

* * *

Отцвело мое детство,
 Даже юность осталась в годах.
 Никуда мне не деться
 Скоро женщиной стану в годах.

Станут дети большими.
 Ну о чем еще можно мечтать?
 А душа, как за ширмой,
 Ей бы вырваться – птицей летать.

И одно лишь спасает –
 Есть крылатая муза со мной!
 С ней душа улетает,
 Становлюсь я опять молодой.

* * *

* * *

Веж төлісь му вылө видзөтө.
 Ме синнэзөс игналі и думайта,
 Сьөлөм менө бөра өдззөтө,
 Адззисьны Тэкөт өддөбн чайтө.

Пантасям, дона, шоныт рытөн.
 Ме тэнө бердам жмита ёна,
 Бөра сулавны понда кывтөг
 Да вöйны синнэзат – Алёна!

Быдөс олнанө чожа раммас
 Некөр эшө эг радейт сідз,
 Көр асыв зарни рөмөн саймас
 Тэ пышшан ме дынісь, дзоридз.

Шонді орсө и өгралө.
 Төвчик сьылө, кызд силькан.
 Менам Сивкоө чеччалө,
 Чочком, лым кодь, басөк чань.

Быдмө, быдмө миян Сивко!
 Чожа лоас статнөй вөв.
 Öні сія быдөс кывзө,
 Учөт, оз ков сьлө нем.

Ыджыт синнэзнас видзөтө,
 Небыт нырнас вишкө му,
 И бабыв сійө өдззөтө
 Орсө Сивко быдса лун.

65 - летия Великой Победы

Война... День Победы... Вот уже наступил 65-й юбилейный победный май – самый главный праздник, являющийся незабываемым символом отваги, мужества, живым примером патриотизма. К сожалению, участников той великой битвы с каждым годом становится все меньше и меньше. Нет уже в живых ни одного писателя, поэта-фронтовика из коми-пермяков. Сложил голову, пал смертью храбрых поэт Иван Гагарин. Были тяжело ранены, контужены, стали инвалидами Великой Отечественной войны Анатолий Баяндин, Василий Исаев. На радость родным вернулись с фронтов живыми и невредимыми Степан Караваев, Леонид Нилогов, Николай Попов, Михаил Вавилин.

Никого уже из них сейчас нет в живых, но остались их произведения, стихи, рассказы, повести о героических буднях великой войны, о друзьях-однополчанах, о девушках полка, которые наравне с мужчинами делили тяготы войны, о вере в победу, о любви.

Анатолий Баяндин

Сто дней, сто ногей

Отрывки из повести

... **Н**ашей роте приказано защищать трехэтажное здание. Оно построено в виде буквы «П». Правда, третий этаж грудой кирпича, железа и стропил лежит на потолке второго. Два крыла обращены на запад. Дом стоит в окружении таких же калек, как он сам. Цеха завода расположены где-то справа впереди. Мы видим только трубы да плоские закопченные перекрытия.

После осмотра коридоров первого этажа мы занимаем отведенную нашей тройке позицию.

– Вот, приятели-друзи, ваша фатера, – шутит Федосов.

Он подтянут, выбрит, а главное почти всегда весел. В его больших черных глазах пляшут искорки молодого задора. Над принятием какого-нибудь решения он не задумывается, а действует сразу. Бондаренко более медлителен на этот счет. Вероятно, сказывается его гражданская профессия учителя. Федосов же в прошлом студент.

– Как раз каждому по одному окну, – говорит лейтенант.

Мы подходим к окнам и сморим на вспаханный бомбами двор, который с двух сторон замыкают крылья нашего дома.

– Ну как? – спрашивает он.

– А ничего, воевать можно, ежели эта штука, – дядя Никита показывает на потолок, – не обвалится и не придавит нас, как мышей.

– Этого бояться нечего. Фашистские летчики вряд ли позарятся на нашу развалину.

Федосов уходит, мы садимся на кипы бумаг и уныло рассматриваем друг друга.

...С каждым днем бои становятся ожесточенней и яростней. Авиация противника наносит удар за ударом, буквально стирая с лица земли все, что еще осталось на улицах.

Дивизия Родимцева вступает в бой с ходу и выдерживает ожесточенные атаки превосходящих сил противника на Мамаевом кургане. Яростные схватки происходят в районе вокзала, который переходит из рук в руки несколько раз. Особенно тяжелые бои разворачиваются на левом фланге армии, в пригородах.

Мы неплохо устроились. Теперь у нас есть патроны, гранаты, запас ракет с ракетницей и ружье ПТР. А главное, есть время отдохнуть, почистить оружие. Бои идут слева и справа, а наш дом, точно остров, остается посредине течения.

Сёмушкин выскреб свою рыжую щетину и как-то сразу помолодел. Нам с Подюковым скоблить пока нечего. У меня на верхней губе пушок, а у него и того нет.

– Просто смешно: мужчина без признаков растительности. Ты хоть бы помазал чем-нибудь у себя под носом, – советую я Сережке.

Он щурит глаза и ехидничает:

– А я-то голову ломаю: откуда, думаю, у нашего Митяйки такие усища, точь-в-точь, как у Семена Михайловича Буденного.

– Но-но, не очень! – Я делаю широкий жест, будто приглаживаю метровые усы.

К нам подходит Сёмушкин. Вид у него бравый, немного торжественный.

– Никита Евстигнеевич Сёмушкин имеет честь быть сегодня именинником!

Он щелкает каблуком и козыряет. Мы поздравляем его, поочередно пожимая широкую и жесткую, как подметка кирзового сапога, ладонь.

– Сколько стукнуло, дядя Никита? – спрашиваю я.

Он немного кобенится, поправляет пилотку и чеканит:

– Сорок первый пошел.

У нас с Сережкой вместе едва-едва получается тридцать пять.

Сёмушкин достает из вещевого мешка какой-то пакет и фляжку. Я с любопытством наблюдаю за его руками. Вот он развернул газету, и мы увидели довольно объемистый кусок сала.

– Шпиг! – обрадовано кричим мы с Сережкой.

Младший сержант добродушно ухмыляется и разрезает сало на три куска.

– Сегодня я устраиваю пир, а вот это что ни на есть главное в нашем пиршестве. – Он взвешивает на широкой ладони фляжку. – А теперь, ребята, то бишь – товарищи бойцы, как говорят, пожалуйста к столу, – приглашает Сёмушкин.

Не переставая удивляться, мы садимся вокруг перевернутого вверх дном ящика на кипы бумаги. Именинник разливает содержимое фляжки по кружкам и произносит речь.

– Други мои! – Сёмушкин обводит нас глазами. – Митрий, Серга... Почитай полгода мы воюем вместе... Это срок порядочный, чтобы, значит, узнать друг дружку. – Короткое молчание с понюхиванием из кружки. – И я узнал вас. Вы неплохие ребята. – Никита проглатывает слюну. – Можно сказать, что все мы стали друзьями, хотя я старше вас намного. Так вот, дорогие други мои, выпьем эти кружки, чтобы, значит, и впредь мы остались такими же, как были. С нами может всякое стать... Только дружбу мы не должны терять.

– Правильно, дядя Никита! – подхватываем мы с Сережкой.

– Я ведь тово... не мастер речи говорить, – смущенно признается он и поднимает тост: – Будьте здоровы!

Сёмушкин высоко задирает голову и в два глотка выпивает. Мы следуем его примеру и после короткого, но веского «будьте здоровы» осушаем по сто граммов разбавленного спирта.

После «пирушки» я приглашаю Сережку осмотреть второй этаж.

– А что мы там не видели? – говорит он.

– Чудак человек, как же ты хочешь защищать объект, не зная его... – я подыскиваю убедительные доводы, – не зная его устройства, и вообще...

Чингисхан улыбается одними раскосыми глазами и соглашается.

– Ну, ладно, идем. Было устройство. Да все выдохлось, – прибавляет он.

На второй этаж забираемся по шаткой стремянке прямо в пробоину потолка. Другого хода не существует: все разбито, завалено, снесено.

Здесь светлее и уютнее. Ветер крутит обрывки бумаг, которые, точно белые воробьи, летают из угла в угол, копошится в куче известковой пыли, скрипит оборванной дранкой. Потолок смотрит на нас рваными лоскутками голубого неба.

Мы подходим к окну. Вон там, справа, у «Красного Октября», идет бой. В размеренный треск автоматов тяжелым кашлем врываются разрывы мин, снарядов, гранат, разбрызгивая целый рой рыжих искр. Над тракторным висит лиловая занавесь дымки. Сам завод не виден: мешает правое крыло нашего дома. Прямо перед нами сгрудились несколько крупных зданий, теперь таких же калек, как и наше, со второго этажа которого я и Сережка ведем наблюдение.

Под моим ботинком что-то звенит и лопается. Я нагибаюсь и поднимаю осколок дверной таблички: «Касса завода № 22...». Сережа поднимает закрашенное черной краской стеклышко и прикладывает на место. Я кладу сломанную вывеску на подоконник так бережно, словно от этого зависит дальнейшая судьба дома.

– Касса завода 221, – задумчиво бормочет Сережка.

– Сберегательная касса, – поправляю я его.

– Тут нет слова «сберегательная».

– Над нами и крыши нет, но это не значит, что ее вовсе не было.

В рваные пробоины врывается басовитый рев моторов. Мы пытаемся рассмотреть, кому принадлежат ревущие над нами самолеты.

– Черта с два, не увидишь отсюда, – выглядывая в окно, говорит Подюков.

– Идем вниз, а то как бы заместо второго этажа мы не взлетели на третий, – не очень удачно острою я.

Спускаемся по этой же шаткой стремянке. У подъезда стоят Федосов, Журавский и политрук Ткачев.

– Так, миленький, так! – горланит лейтенант, размахивая руками.

...Мы с Сережкой задираем головы и смотрим в небо. Два наших «яка» насаждают на «мессера». Но он быстро выскальзывает из клещей и уходит с крутым виражом. Чуть правее, как жирные кряквы, переваливаются с боку на бок две «чайки».

Ускользнувший «мессер» делает разворот и оказывается у самого хвоста двукрылого истребителя.

– Ах, сволочь, что он делает, – стонет командир роты.

Серебристые нити трасс протягиваются от «мессера» до «чайки». Головкой подсолнуха вспыхивает пламя на фюзеляже самолета. Вот эта головка разрастается в трепещущую простыню, и «чайка», кувыркнувшись, круто ныряет в воздушную пропасть, оставляя за собой ручей черного дыма.

– Э-эх! – вырывается у всех.

Через минуту второй вражеский истребитель сбивает «яка». Оставшиеся два наших ястребка еще пытаются отомстить за гибель своих товарищей, но скорость...

– Скорости бы им, скорости! – с какой-то болью говорит Федосов. Его большие темные глаза горят злобой и ненавистью.

Второй «як», ревя мотором, с грохотом проносится мимо нас и падает в Волгу.

– Что же это такое? – чуть не плача, продолжает лейтенант.

– Летчика подстрелили, мерзавцы, – скрипит зубами Ткачев.

Мы, опустив головы, заходим в дом.

Со мной творится что-то неладное. Мне жаль погибших летчиков и сбитые машины. Но почему в то же время во мне закипает злость? Я пробую разобраться в себе.

Нам, бойцам Красной Армии, всегда говорили, что наша авиация куда сильнее вражеской во всех отношениях. Сильнее! А вот уже полгода я наблюдаю, как падают наши самолеты от тонких светящихся трасс «мессеров». Неужели виноваты летчики? Нет, летчики, насколько мне известно, всегда держатся стойко, мужественно. Нет, они никогда не отступают. Сам Гитлер в своих листовках хвалит русских асов. Тогда почему же немецкая авиация держит верх?

– А я с самой что ни на есть границы вижу, как сбивают наших, – говорит Сёмушкин, которому я поведал свои сомнения. – Об чем тут спорить, коли сами видим качество наших самолетов. Плохое качество, очень плохое, – разом отвечает на все мои вопросы дядя Никита. – А летчики – молодцы. Только что они смогут сделать на своих тихоходах? – Сёмушкин плюет на сигарку и бросает ее за окно. – Но ничего, Митрий. Не может того быть, чтобы, значит, фриц победил русского, будь то на земле или в воздухе... Не может! – он ударяет ребром ладони по затвору винтовки.

Я уже не злюсь на бессилие наших истребителей. Я верю своему старшему товарищу! И я тоже про себя повторяю: «Не может того быть, чтобы фриц победил русского».

Каждый день наших будней здесь до отказа заполнен событиями. Некоторые из этих событий нас радуют, и мы смеемся, как дети; некоторые нагоняют тревогу и боль – тогда мы молчим и с остервенением стреляем в дома, где засели немцы.

Стаи «юнкеров» налетают на тракторный. Шапки черного дыма вздымаются над цехами завода. Зенитки стучат как-то вяло и рассеянно, устилая небо белыми и черными овчинками разрывов. Но вот за Волгой раздается мощный гул залпа реактивных минометов. Мы видим, как с шипением летят продолговатые тела мин, перегоняя в воздухе друг друга.

– Эко дело, вот не думал, чтобы виден был летящий снаряд! – удивляется Сёмушкин.

Сережка говорит, что даже обыкновенные мины видны, когда они летят вверх. Я с ним согласен, потому что самому приходилось наблюдать их полет.

Зенитчики на минуту прекратили огонь. И в это самое время страшный взрыв потряс воздух. Над заводом повисло облако огня и дыма. Одна из мин врезалась в самую гущу «юнкеров» и попала в еще не успевший разгрузиться самолет.

– Ура-а! – кричим мы с Сережкой, подпрыгивая на месте.

– Ура-а! – слышится отовсюду.

– Так бы их всех... – смакует дядя Никита.

Фашистские пикировщики, рассеявшись, удирают восвояси. Мы понимаем, что это попадание только случайность, но эта случайность поднимает наше настроение.

Вечером происходит еще одно событие.

– Волга горит! – вбегая в коридор, кричит Подюков.

– Брось трепаться, – обрываю я его.

– Ей-богу, горит... сам видел, – захлебываясь, доказывает он.

Дядя Никита, прищурился, сомнительно мычит.

– Идемте, ежели не верите, – настаивает Сережка.

Мы втроем выходим на площадку подъезда. Клубы смолистого дыма поднимаются над Волгой где-то между «Октябрем» и городом.

– Эка оказия, – задумчиво цедит Сёмушкин.

– Вот поглядите, – указывает Чингисхан на промежуток между домами, где виднеется кусок реки, охваченный багровым разливом огня.

Мы смотрим и не верим своим глазам.

– Мать честная! – выпаливает наш старшой.

– Ну, а вы не верили, – обиженно говорит Сережка.

– Трудно поверить такому, – Сёмушкин почесывает затылок.

К нам подходит Журавский. Он засовывает руки в карманы и, сплюнув сквозь зубы, бросает по нашему адресу:

– Темнота! Нефть это... Баки, что стояли на берегу, разбомбили немцы.

– Сами видим, что нефть, – ворчит дядя Никита. – А ты нам не указ.

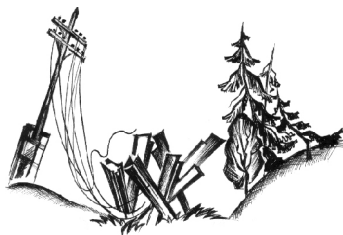
– Где уж вам самим догадаться... Не сказал бы, так и думали бы, что вода вспыхнула... Немцы подожгли, мол, чтобы поджарить нас, ха-ха-ха! – хохочет связной.

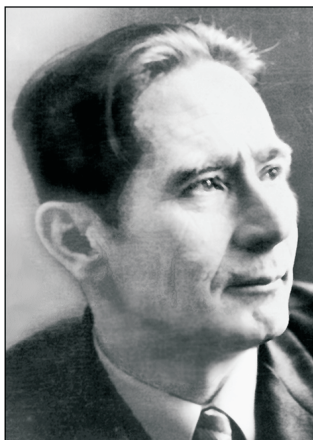
– Эх, темнота! – повторяет он и, повернувшись на каблуках, уходит.

Мне хочется поколотить этого выскочку за его постоянную дерзость, и я говорю об этом Подюкову.

– Что его колотить, ткни пальцем – упадет. На то он и ор-ди-на-рец.

Вскоре черная занавесь дыма сливается с наступившими сумерками. Зловещие языки пламени продолжают лизать закопченное небо. Понурые мы заходим в дом.

Михаил Вавилин

Тортё

*М*и вөрзим – ауф видэрзэен,
Востоклань мунö перыт поезд.
Берлинись Франкфуртер аллея
Саясис, ылö бөрлань колис.

Россия – мам миян, отчизна,
Бёра ми пырам тэнат гажö.
Тэ, натьтö, ёна ни видзчисян
Зелёной аслат вөр шебрасөн.

Ми зоннэз тэнат и дорйиссез,
Примит, примит миянлись поезд.
Кыз сьөлөм корö ни адззисьны,
Эг узьö медбөрьяось ойез.

Вот Франкфурт город ни чулалім,
А сэсся польскöй му пондöтчö,
Кытi война коста шагнялім,
Көр немец сьөрö мийö вöтчим.

Быд станция джендöтö туйсö,
Родной странаöдз сё матынжык.
И шондi гажöнжыка уйö,
И небо лоö сё югытжык.

Бой бөрн

Чулаліс бой, и лоис лöнь быдлаын,
Но юрын олö сё кытшöмкö зык.
Шоччисямö, вөрök сайын сулалам.
Ме мөрті муö свиттялана штык.

Пымалі стрась и бусöсь юрсянь кокöдз.
Июльскöй шондi сотö менчим бок.
Турун коласын оссьöмась цветоккез,
И гөрд видзö турунас ягöдок.

А ордчөн виль могила, кытчö дзевим
Лейтенантöс. (Вöлі том öддьөн.)
И документтэс öні сьлөн ме дын
И орден, получитіс кöдö төн.

Сулалам шытöг, нем йылісь висьтасьны,
И некинлö, мый шогмис, он норась,
Ми тöдам только бура этö асьным.
Сэтшöм войналөн мортыс вылын власть.

Оліс зонка

Оліс зонка. Школаын велётчис.
Пионерскöй галстук новйис гөрд.
Комсомолö гижсис сія öтчид.
Бура оліс. Умөль нем эз тöд.

Айыс небис сылö виль гармоння,
И велалис орсны сійөн зон.
Мам нёджжаліс гусьөн бытшөм моньöс.
Рад вöлі, что зонлөн высин ён.

Мывкыда да статья зонка эта
Бöрйис ни оланын аслыс визь.
Тракторист неумöль сыись петіс,
Содіс ас колхозын уджалісь.

Вöлі тулыс. Сэсся локтіс гожум.
Льöмпу вылын крепыт лоис лист.
Но сибалис кадыс зэв тревожнöй,
Кöр война пондöтис лёк фашист.

Зонка муніс фронт вылö, мед ассис
Дорйыны и Родина, и горт,
И роднöй Советскöй властьсö.
Сідз воуйтіс сія куим год.

Сьöкыт вöлі. Öтiк ыджыт бойын
Усис зонка. Сувтіс том сьöлөм.
Куліс сія воинөн-геройөн,
Родиналö сетіс том олөм...

Кад чулалö. Отир одзлань олö,
Дорйö мир, цветитіс счастье мед.
А роднöй посадын том геройлö
Отирыс сувтöтис монумент.

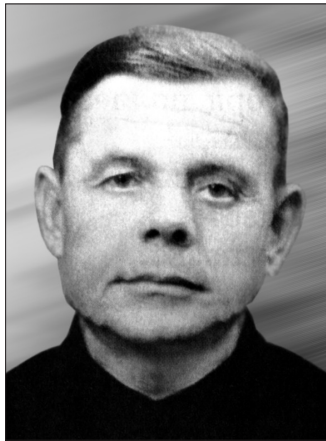
Коми зон-патриот

Локтис кад военнӧй,
 Грознӧй, боевӧй,
 Тэкӧт, друг бесценнӧй,
 Тэкӧт, друг роднӧй,
 Милӧй друг Афоня,
 Мунимӧ бӧра
 Мийӧ, коми зоннӧз,
 Дорйыны страна.
 Мунтӧн, кӧр прощайтчим
 Тэкӧт, друг роднӧй,
 Каждӧйлӧ желайтим:
 – Пессы, кыз герой!..
 Одзжык месся шедӧн
 Фронт вылӧ тӧ, друг.
 Повтӧма тӧ пессин,
 Воин-политрук.
 Одзланьӧ нуӧтис
 Тэнат смелӧй клич.
 Бандасӧ репӧтис
 Ротаыт – да сӧдз! –
 Лӧк ордаыс куйлис
 Му вылас, кыз вӧр...
 Ловйӧн кӧда кольччис,
 Рытлань* пышчис бӧр...

Эта грознӧй бойын,
 Воин-политрук,
 Усин тӧ геройӧн,
 Менам милӧй друг.
 ...Сьӧлӧмӧлӧ зубыт...
 Мийӧ эд некӧр
 Огӧ ни пантасьӧ
 Тэкӧт сӧсся бӧр.
 Огӧ мийӧ жмитӧ
 Ӧтамӧдлӧ ки,
 Огӧ ни шутитӧ
 Тэкӧт, другӧй, ми.
 Паськыт ыбын узян,
 Смелӧй коми зон...
 Тэныт сета клятва,
 Кылан я тӧ, он?
 Тӧ понда лӧк враглӧ
 Вешта ме ёна!
 Честно тырта долгӧс,
 Дорйытӧн страна.
 Менам пым сьӧлӧмын
 Пизьӧ только месьт!
 Бӧбмӧм враглӧ вештам!
 Бӧбмӧм враглӧ – смерть!

* Рытлань – западлань.

Василий Исаев

Мажшор

Важся былись тор

... **М**аськыт вөррез коласын, керӧс покатын, сулалӧ деревня Урва. Мыс дорӧт, дзык мутшаккез, ляпкисьӧмась дася унажык съӧд керку, а улынжык, юлань, сулалисӧ куим кузь да паськыт баня. Быдӧс эта тшупӧма черӧн, тӧсыс, кӧдӧн вевттьӧмась керкуэз, лӧсийӧма тожӧ черӧн. И ӧтик кӧрттув некытӧн абу. Деревня вӧли гажа, чериа ю бердын. Олисез татӧн уна: быд керкуын квать-сизим челядь. Отир кывлисӧ, что кытӧнкӧ пӧ эмӧсь ыджыт юэз, саридзез, ыджыт каррез, но некин нийӧ эз адззыв. Отир ошкисӧ ю сайись вӧр – урман, кӧда сетис олӧм понда яй да кучик, и эз заруйтчӧ не каррез, не саридзез вылӧ.

Олисӧ татӧн лӧня: весӧтисӧ вӧр увтись пашня, кӧдзисӧ неунаӧн сю да лӧн, кыйисӧ чери да зверь-пӧтка. Тӧв кежӧ вӧралӧмсянь ӧксывлис уна кучик, олисез нӧбӧтлисӧ нийӧ ыджытжык деревняӧ – Гайнаӧ, а сэтчинись вайлисӧ дробь, порох, пистоннэз да сов. Олисӧ кӧть и нуждаын, да дружня. Ӑтлаын, отсасьӧмӧн, уджалисӧ и гажӧтчисӧ. Эм кӧ кинлӧн сур, ырӧш – бӧра ӧтлаын юисӧ.

Мужикпӧлӧс арбыт вӧралисӧ, а иннез – печкисӧ. Лӧн, кӧть и кӧдзлисӧ етшаӧн, вӧли быдӧнныслӧн. Нетшкасӧ сийӧ арнас, вӧвдасӧ ю дорись видзез вылӧ, тыӧтасӧ. Тыасьӧмсӧ кураласӧ, косьтасӧ банязын. Сэсся ӧксясӧ и ӧтлаын нярьясьӧны, пыркӧтчӧны да зуасьӧны. А сыбӧрын кузь арся да тӧвся рыттэзӧ сартаса биок дынын печкисӧ кудельсӧ, и шогмывлис шӧрт. Тулысӧн сия шӧртись кыйлисӧ дӧра...

Кыссисӧ уна годдэз, а Урва олис ӧтмоз. Некин сийӧ эз вӧрӧт, нем эз кор. Веськы-та кӧ висьтавыны, ны дынӧдз эз сидзлы некытшӧм власть. Эта деревняын нельки эз тӧдӧ, мый сэтшӧм поп да Христос. Нылӧн асланыс вӧли еныс, а мӧдик эз ков.

Кызкӧ сӧр арӧн деревняӧ локтисӧ кык доддя вӧлӧн. А туйсӧ урвинса керисӧ, мед судзӧтны Гайнаись сов да вӧралан провиант. Доддезись чеччисӧ нӧль мужик – начальство пӧ. Ния тшӧктисӧ мужиккеслӧ ӧксыны ӧтиклаӧ, Дзиб Петра керкуӧ. Эта

керкуыс вöлі вильмоз керöма: кык öшына, вартöм гора, чочком. Оліссез локтісö, тöдтöм отир юасьлісö, кыз нійö шуöны, кыным морт семьяын, уна я пода, и быдöс этö гижисö гижöt вылö.

Ашынас нія мунісö, а чожа мыччисис кузь паськöма да кузь юрсиа морт – поп, пондїс велöтны, кыз юрбитны Христослö, и видіс татїсь, комиэзлісь, еннэсö. Пöрїсьжык мужиккез вöвлісö ни Гайнскöй вичкуын, иннез да томмез нем эз вежöртö поп басниись, сералісö сы вылын. А поп эз лöгав, лыддьöтїс, öліс томмесö и корис сю, кольттез, ви, яй, кучиккез. Иннез некыз эз вежöртö, мыйлö весь сетны поплö добросö, и нем эз сетö. Сїдз поп и муніс. Но мöдпыр сїя вайöтїс сьöрас Гайнаись старшинаöс, а сы доддын вöлісö уна рисуйтöм пöввез – еннэз. Старшина да поп кытшöвтїсö деревнясö, быд керкуö колялісö еннэсö, а гортаныс кыскисö додгыр кучик. Эшö неделя бöртї Урваö локтісö не только поп да старшина, но и Гайнаись торговöй, кöда вайöма сьöрас сов да вина. Быдöнныс нїя сувтчисö Дзиб Петра ордö: хозяйиныс кöркö ештöма ни тöдсасыны торговöйыскöт, Кривöй Опонькöт. Рытöдз Опоньлөн эз кольчы не сов, не вина, зато быдкодь кучиккез куйлісö посöдзын туруньюр ыжда чукөрөн. Коддзöм Дзиб Петра ошкис Опоньöс, кыз вермис, и корис сїйö велöтны торгуйтны ассис зонсö, Епимкоöс. Торговöй кывзїс, гогиняліс юрнас, а ачыс синсö эз лэдз Дарья вылісь, Петра ныв вылісь. Нывка сїя вöлі бытшöм, статя, чочком юрсиа, а чикиссез дзик лөн сöдз быдмöмась. Гленитчис торговöйлö Дарьяис, и Опонь пондїс корасыны нывкасö ас саяс. А Дзиб Петра и рад – кружка брага вылö вежис нывсö, öтїк минутаö сорлаліс том мортлісь олансö. Повзис невестаыс, комö дзесисис. А Кривöй Опонь дынас сїйö корö, асласөн ни лыддьö. Дарья чеччöвтїс комсис и пышшис Полька ордö, соседыс ордö. Полька пиян Васька вöлі гортас, и нывка веськыта сы дынö:

– Лок, Васька, петав öтöрас, ме тэныт мыйкö висьтала.

Зонка чапкис öлөдзсис панан нинкöмсö, петїс нывка сьöрö. Дарья кыскис Васькасö кипöлöt карталань и висьталіс Кривöй Опонь корасьöм йылісь. Зонка нем эз ешты и висьтавыны Дарьялö, кыз Полька ордö локтісö Дзиб Петра да Кривöй Опонь. Том пара кыш-паш петїсö картаись и лэдзчисö керöс увтö – баняö. Вöлі пемыт ни, и нїйö некин эз адззыв.

Дзиб Петра, көр петїс Полька ордїсь, ряксіс-керис керöс вылас, но сы кытсалöм вылö только нерсис урманыс да размöд укöстїс öвин сайын сюзь. А томмес пукалісö баняын и баитїсö гусьөн:

– Дак, шуан, корасьö эта пöрїсь кокораыс?

– Кыз яй вылö пон видзötö... Ньылыштны готов.

– Но, и мунны мöдан?

– Тэ мый, Васька? Али сералан?

– Көть и мунны пондан, дак ловйөн сылö он дөнзыы, – лöга мурзыштіс зонкаыс.

– Эта пöрїсь ниндуль сайö муна? Ме чожжык юкмöсö уськötча, – дрöжитан голосөн, сыркьялөмөн ни, шыасис Дарья.

Асылөдз тöждїсїсö баняын кык том сьöлөм, кык позтöм дудї. Югдїкас ни Васька пыртїс нывкасö гортас. Айыс узис джоджын: сїйö рытнас юкталöм Кривöй Опонь – задобритöм, мед велötїс зонсö. А мамыс ласкова панталіс том гозьясö, ошкис смев нывкасö и тшöктїс лоны сылö моньөн. Но сэтчö саймис Полька, казяліс Дарьяöс, и сылö тöдвылас усисö Кривöй Опоньлөн кыввез: «Ась чуньөн зоныт оз павкötчы Дарья Петровнаыс бердö, нето...» – и сїя горötыштіс бы нывкаыс вылö, мед вашötны сїйö керкусис, но юр висьöмсянь только гусьöника норөн нюжötїс:

– Мун татїсь, öнї жö мун...

Полькаика чапкис сы юр вылө кытшөмкө шабур, и мужик бөра пондiс корөтны-узыны. Сiя эз ни кыв, кызд керку бокөт гөнитисө силькана вөввез – мунисө Гайнаись гөссез – и кызд Дарьяос кытсөвтисө өтөрсянь мамыс.

Эз ни пондө тыдавыны лым увтись мыррез, эз ни понды туйны вөравны лямпа-эзтөг, а Кривой Опонь сэсся эз мыччасылы. Дарья бөра гажмис, дугдiс төждисьны и мамыс аслас ныв понда. И вот лёк юөр, көдө вайис Гайнаись Дзиб Петра: Дарьялө кольччис овны мамыскөт куим лун, а сэсся сийө пондас вердны Опонасей.

– Эн жө тэ, Петра, артгөмсө лёб: эд Опошкоыс тэкөт өтик годся, – пондивлис дорйыны нывсө мамыс. Но Петра и кывзыны эз думайт. Сiя чөвтис пуовой бекөрокө четвертницаись вина, көдө вайөма сьорас, неуна юыштит да кутис иньсө сосөттяс:

– Ю да эн пиньгы! Кин понда төжда? Тiян понда! А кулас одзжык зятъыт – быдөс миян лоас. Дарьякөт иньда Гайнаас и Епимкосө. Купец лоас.

– Ме вөравны понда, – шыасис Епимко. – Урыс таво вон мымда!

Дарья петис комсянь и шуис:

– Тять, ме... ме бы ог...

– Мый?! – горөтис айыс. – Дак тi сiдз мөдат менө кывзыны! – и кватитис тувийсь кучиковой тяга да пондiс шөравны нывсө. Дарья эз и вөрзөтчы местасис, бытөтө не сийө вартлисө, только быд вачкөм бөрын дрөгайтисө сылөн пельпоннэс. Епимко чеччөвтис тятъыс вылө бөрсяняс, өшөтчис ки бердас. Мамыс пукалис лабичын и герьясис. Дарья, көр кылис, что сийө озө ни вартлө, кватитис поньток и чепөссис ыбөс сайө. Тятъыс вель дыр эшө ыждалис, сө мөдiс кульны зонсө, но Епимко эз сетчы сылө – кодыслө. Сэк Петра размөз кавкис иньыс юр кузя. Сiя тожө, кызд и нылыс, эз вөрзөтчы местасис, а только дугдiс унныяны, и код хозяин бөра кутчис вина бердө. Недыр мыйись сiя пөрис джекнас, пондылис лэбтисьны, но садъыс эз тырмы, и Петра ланьтис.

Васька Дарьякөт эта коста бөра пукалисө баянын, өтамөд бердө жмитчөмөн. Дарья горзис, а Васька өлис сийө:

– Чөв, эн бөрд абусис. Висьталисө – ог сет ме тэнө эта кривой чуманлө. Ми пышшам.

– Кытчө воштисям, кытчө? – сыркьялис Дарья.

– Вөрө мунам – вот кытчө. Ылын-ылын тасянь тятюөлөн эм вөралан керкуок, вот сэтчин и мунам.

– Вияс тятө, – ыш ловзисис нывка да дугдiс горзыны.

– Вияс... Кысь сiя адззас миянөс? Но дак мый: мунан мекөт?

– Муна, – шушкыштит Дарья.

– Сэк часөт жө мун лөсьөтчы, – шуис Васька и пондiс висьтавыны, мый колө босьтны гортись и нөбөтны гуна вылө, мед сыбөрын, кызд кынмас Урва ю вылын наледь, лэдзчөтны котомкаэзнысө сы кузя увлань, а сэсся пыртны урманө.

Асывнас Васька пондiс баитны гөтрасьөм йылись. Полька видзөтыштит сы вылө, мышкыртис юрсө, сьөкыта ловзисис:

– Нем ог төд, мый тiян шогмас. Дзиб Петраыс сiдз оз сет тэ сайө нывсө.

– А ме и юасытөг босьта, гусяла.

Полька мыйкө мөдiс висьтавыны, да сiдз и тувдiс местаас осьта өмөн: видзөт пө, мый сiя лёбө.

– Полька, Дарьяыс бур нывка, вежөра, – шуис Полькаика. – Мөдик монь меным оз ков. А Опонасейыскөт кызд сiя пондас овнытө? Сiя эд кык инь ни торкөма, ыб лягуша!

Полька чурс сьөвзис джджас да лөгөнмоз пондiс баитны:

– Бур монь пö... И тэ, – дзарнитіс зоньслань, – сэтшöм жö: гусяла пö... А кытöн пондат овны? Шыр позö дзевсисят? Эд Дзибыс богатжык миянся, а Опошка – торговöй. Ся быдöс вермас керны, а ми? Сы дор Гайнаись поп да старшина.

– Тять, ме пыр тэнö кывзі, паньт нем эг кер, а öнi веськыта висьтала: пышшöта!

– Кытчö нö пышшöтан? Думайт-ко, зонöй.

– Тэнат вöралан керкуö, Шаньшор ю дорö.

Ай дыркодь видзöтис зоньс синнэзö, мыйкö думайтис. Жаль лоис зонсö. Да и Дарьяöс жаль: эд былись бур хозяйка бы лоис Васькалö, а нылö, аймамныслö, – бытшöм монь. «Мый лоас, сiя и ло – ась мунöны, – решитіс Полька. – А зэлöтны кö пондасö, и ачым кая сэтчин, но дзугны томмезлісь олансö ог понды».

Зон эз вермы видзчисьны и бöра горöтчис:

– Мый нö, тять, сэк керны?

– Ме, зонö, тэнö ог видз. Кер сідз, кызд верман. Но лун-мöдсö видзчисямö, может, бөр керяс Опошкаыс, нето Дзибыс ылöсмас.

– Ладно, видзчися. Но тöд: Дзиб да Опошка оча ки ни вачкöмась.

* * *

Луншөр кадö тöлок вайöтис Урваöдз силькан шыэз. Кынымкö минута бөрті öтöрын вöлі джын отирыс: мыся пö сэтшöм оказэ? Чожа вöрись мыччисисö доддя вöввез. Одзас пöльтіс-гөнитіс чочком рысак, доддялöм кошоваö. Вылын да басöка краситöм дуга бердын öшалісö йиззөн домалöм сильканнэз. И сермöt, и сийöс, и шлея – быдöс серötöм веж наборөн и пежъялö шондi вылын. Кошоваас пукаліс тулупа морт и мыйкö горötліс. Эта вöлі Опонасей, Дзиб Петралөн зять. Сы кошова бöрсянь локтисö куим додтыр отир. Нiя чирзисö, шутнялісö сэтчöдз, кытчöдз эз сувтчö Петра ворота дынö. Хозяин петкötіс ыджыт лагунөн ырöш да пуовöй ведраөн сур и сувтötіс нiйö Опонасей кошоваö, а ачыс пондiс осьтны ворота. А код свадебшана, дзик ылöстöм баля табун, уськötчисö керкуö.

Дарья повзис, öшис. Эз сiя ешты петны керкусис, мед пышшыны татісь кытчöкö мöдиклаö, дзевсисяны Кривöй Опошка шөгья. Нывка жмитчис ком пельöсö, залавка бердö, и, кызд налькö шедöм туан, эз тöд, мый керны, кытчö воштiсьны. Вöлі бы гортас воньс, Епимкоыс, дак вöлі бы кокнитжык сьölöм вылас и эз пет полöмыс.

Мам малаліс Дарьялісь волькыт юрсисö и гусьөн горзiс. Но нылыс эз кыв мамыслісь не малалöмсö, не горзöмсö. Сiя пукаліс кызд вузалöм, и сьölöмыс чепсасис, топ домйылö первуись пуксьötöм пон, и быдкодь думасянь юрыс кругөн ветліс, а кикок – тувдiс.

– Дарьюш, пызан ылö ваяв! – тшöктіс Дзиб Петра, лагунөн öтöрись пырикö.

Дарья ылö дзик пым ва кисьтiсö – жарö чапкис эна кыввезсянь. Сiя дзар керис комсянь: керкуас, кызд öвинын, порогутсянь пöлатьпу дынöдз стенаөн сулалісö урвинса – и коккесö дзик сьöвтөн зэлötісö, эз вермы вöрзьötчыны местасис. Мамыс пуксьötіс сiйö ком лабичö, корис ассис сойесö и тшöктіс пасьötтны Дарьяöс, а ачыс кутчис лöсьötтны пызан ылö, кызд эшö төн велötіс-тшöктіс Петраыс.

Невеста дынö мунісö и Опонасейлөн свахаэз. Нiя бергötлісö нывкасö, малалісö сылісь каджсö, шамралісö чикисьсö – пешлісö кызд небан товар: абу я кытшöмкö изьян. Эта бöрын вöлись отсалісö вежны невесталісь йөрнös-дубассö, зуалісö юрсö да кыйисö чикисяс алöй ленточка – Опонасейлісь козин, да пуктiсö юр вылас дона шаль. Гайнскöй сваха öзтiс лампа, кöдö вайис сьöрсис: коть и öтöрас югыт, а учöt

ошына керкуас пемыт ни. Невеста быттьо эз адззы нем.

Ся не эз пыксы, не эз горзы, не эз баит, а только шочыника съокыта лолаліс да мукодпырся кыкнан кинас кутліс юрсө, дзик пешліс, местаас я ся, эз я усь пельпон-нэз вылісь.

Этадз пондөтчис кикутөм.

Епимко да Васька пырисө керкуө пемдандор и сувтчисө порог дынө. Порог дорись отир пондисө мыйкө шушкөтчыны. Этө, конечно, Васька йылісь: эд быдыс төдіс, что зонкаыс Дарьялөн модз, и ния радейтоны отамоднысө. Инькаэс видзөтисө Полька пиян вылө гажтөма, сийө жалейтөмөн, и нылөн синнэзныс ровно модисө висьтавны: «Мый, зону, модзтө мырддисө?»

А сэтчө и Дарьяос комсис петкөтисө, пызан сайө пуксьөтисө. Васькалөн эшө ёнжыка пондис токөтны съөлөмыс, кажитчис, вот-вот петас моросись. Но чожа съөлөмыс лөньсис, горшас кайис кытшөмкө комок, өм пытшкас косьмис. Зонка жмитчис Епимко бердө, жөв керсис. А отир, кызд нарошно, вешшыштисө Васька одзись. Дарья казяліс ёртсө и нельки лэбтисьыштис местасис, но ордчөн пукалісь старуха лөгөн дзарнитис сы вылө да чувйыштис бокас. Невеста пуксис, но сө видзөтис пороглань, и чужөмыс öзйыштис гажөн. Кык радейтан съөлөм öгралисө вынөн, пессисө, кыссисө отамөд дынө. Но, көть и ния паныт вөлісө, а отлаасьны некыз эз вермө часөт.

Лөгыс петис Васькалөн, что сы Дарья бокин, сы мича невеста бокин сюзь моз вөрөтчытөг пукаліс пөрись, чукыра чужөмбана Кривой Опонь. А пызаннэс сайын дзульзисө свадебшана: кинкө ошшасис аслас иньөн, кинкө кывзис, кинкө лөсьөтліс проглассө – пондөтліс сьывны, дугдывліс да кашляйтөмөн весөтліс голоссө, но ся сө жеркөтис, кызд потөм силькан. Чожа сийө вевттисө мөдіккез, и гажа песня киссис пызан сайсянь. Эта сьылөм увтө öдззисө стукйыны йөктиссез. А старшина, көдалө удіс Дзиб Петра ырөш, ряксіс:

– Йикиа, йикиа ырөшы!

Дарья вежөртис, мый часөт лоас, и шатөвтчис Опонасей дынсянь. Но торговй нюжөтис кузь голясө Дарьялань, сыныштис көс чуннезнас шоч тошоксө и окыштис невесталісь пельбоксө. Дарья дрөгнитис да чышкыштис шаль дорнас чужөм вывсис купецлісь дульсө. А старшина эшө öддьөнжык горөтліс:

– Йикиа, йикиа!

Но сьлісь ряксомсө некин ни эз кывзы. Керкуын гораліс нюжвыла сьылөм.

Сьылан кыввес Дарьяос воштисө пымавтөдз, курыт синваэз пичкисө-петкөтисө. Но невеста вылө өні, натьтө, некин ни эз видзөт, нельки Опощка сьыліс да өвтис киззнас.

Кад чулаліс казьявтөг. То и урвинса, видзөтиссез, лоисө етшажык, а свадебшана сідз кодзисө – юр вылын ветлыны готовөсь. Старшина черк-барк тараліс лабич дынө, пызан одзас. Поп ветлөтис йөктиссез коласын и то ли сьыліс, то ли молитваэз лыддьөтис – некин эз вежөртг. Васька пукаліс гөбеч увтын и видзчисис Епимкоос, көр ся сибөтчас порог дынө. А Епимко сө абу и абу. Зонкаыт мөдіс ни сувтөтны Петрикаос, көда размөд муніс сы одзөт, но сэтчө Епимко локтис.

– Висьтав Дарьяыслө, Епимко, ась петө карчйөрө карта саяс, – шушкыштис сьлө Васька пель одзас и петис өтөрө. Епимко полөмөн локтис пызан дынө и сой-ыслө пеляс шушкыштис: «Карта сайын, карчйөрын».

Невеста өтөрө петны өтнас эз вермы: сийө петкөтө сваха нето вежань, кызд жөникөс – тысячкөй нето вежай. Дарьялөн вежаньыс эз тыдав, а сваха öдва ляшма-

сис – вөлі код. «Вот сійө и петкөта, ась сја кольчас виноватойнас, а не мияниссез», – решитис Дарья и шушкыштис жөникыслө:

– Ме бы өтөрөдз петала.

Опошка гогинь керис юрнас и горөтис йөктиссезланьө:

– Апросся Лесанровна, лок татчө!

Пөрись сваха локтис пезьдалөмөн, нюжөтчис пызан вевдөрөт жөник дынө. Опошка висьталис, мый сысянь колө, и Дарья чеччис пызан сайись, босьтис төнсянь лөсьөтөм поньток, вевттисис сійөн. Сэсся кутчөтисө невестасө чышьянок бердө, кызд слөпөйөс, и код сваха пондис вештавны одзсис йөктиссесө, мед петны өтөрө.

Дарья омөн нөдждөвтис керкусө, ас кежас висьталис: «Прощай, менам горт! Дыр, поди, ог лок татчө, а то и...»

Епимко сулалис посөдзын, ыбөс сайын, медбы, ежели ковсяс, отсавны сойыслө, и быдөс кылис, кызд Дарья тшөктис свахасө видзчисьны посөдз понын, а ачыс петис карчйөрө. Сваха пуксис поспуэз вылө и мыйкө пондис гусьөник сьывны. Епимко каличалис карта ыбөссө – ась пө ёркөтчөв-керө свахаыс – и пырис керкуас да кайис пөлатьө. Ачыс думайтис: «Вот тэныт, сисьмөм ниндульлө! Видзчись өни Дарьясө. Вийөмат ассит иньтө да эшө менчим сойөс мөдин. Öни он кут сойөс, лэбзис сја, кызд дозмөр, Кайскөй волокас».

А Опошка пукалис өтнас пызан сайын и нөдждасис, кызд кокольөсь тупкан. Гөрд усоккез бердө лякасьөм мыйкө чочком, а юрсиыс пашмөм, дзугсьөма веськыт юкөлыс. Сылөн чикыра векнитик синнэс видзөтисө йөктиссез вылө, код поп вылө, кода өни узис лабич увтын, ордчөн старшинакөт.

Дыр бы эшө сідз, натьтө, кыссис, да кинкө бура ни пондис ёркөтны каличалөм ыбөсө. Пызан сайын этө эзө кылө, но ыбөс дынын пукались отир пондисө шушкөтчыны, клопөтны боккезнысө, но керкуись петны некин эз лысьт. Кылис ёркөтөмсө Дзиб Петра да котөрөн петис посөдзө и ки пөлөттяс пыртис свахаөс, кода, дзик мешөк, буткисис-усис порог дынө и горөтис:

– Невестаыс өши! Вөрдядь пышшөтис! Ой-ой, абу Дарьяыс!

Шай-пай лоисө и свадебшана, и видзөтиссез. Лэбтисис шум, котрасьөм, той-ласьөм. Кин өзтө сартас, кин масись, кин ойзө, кин китшкө. Медодз сядясис Дзиб Петра. Сја кватитис өшөпек да чеччөвтис оградаө. Сы бөрсянь гормөччанөн котөртис иньыс, сэсся Опошко. Гьж петисө керкуись видзөтиссез. Но пемытйнын нем эз тыдав. Петра чепсасис өтмөдөрө, кытсалис нывсө, видчис. Кок увтас нявкнитис кань. Петра сідз чужийис каньыслө, что сја буткисис Опошка кошоваө. Петрика ветлөтис Дзиб сьөрын да гусьөника горзис. Опошка эз понды кошшысьны, а бөр пырис керкуас да пондис чувйыны ёрттэсө. Саймөтөм поп зэгйис старшинаөс, но сја куйлис польдөм чуж мешөк моз и только мыргис ныр увтас, кызд мөс.

Епимко куйлөв-керис пөлатьын, кышыштис ассис зипунсө да тожө петис өтөрө. Сја пырис пос увтө, кытөн олісө кычаноккез. Öтик ны коласись вөлі кулөма эшө луннас, и зонка вунөтис сійө чапкыны. Епимко босьтис понпиянсө да пуктис кошо-ваас – вот пө мый, кривөй ниндуль, тэныт сойө туйө!

Узьтөмөсь, дульсмөм синаөсь асывнас петисө Дзиб Петра гортись поп, старшина да Опошко и мунисө Полька ордө: сідз тшөктис Петра, кода вөлі одзас, чужийис да чуть эз усь: сэтөн вөлөма пьяна баля. Гор абу на ештөма, и потолок увтын ветлө син курөтана лөз тшын. Учөтик ошынокө кышалөм мөс брюшина, и сја етша лэдзө ас пырйөттяс асывся югытсө. Порогувтсө мымдакө югдөтисө горби да горись калитчөм иззэз, көдна койисө пеллез сотан жар. Гор одзын вөлі өшөтөма ыджыт кашник, сэтөн пусис яй. Комас сулалис пызан. Сја лөсийөм кыз пуись, коккез туйө кольөмась

нэль ув. Пызан бокись джджись Петра казяліс ольпась. Сэтён, вөрмөс кучикөн шебрасьомён, кинкө узис. Дзиб кватитіс кучиксө, каспөвтис, видзөтис, кин узьö, рякөстис Польша вылө:

– Кытён понпияныт?! Кытчö воштит Дарьясö?

Этасянь саймисö челядь, кöдна узисö кучик увтас, и кыссисö ком пельöсас, кытчö эз сидз югöрыс.

– Ог төд, Петра, – шуис Польша. – Может баняын узьö да.

– Вайөт татчö, – тшөктис Дзиб, и Польша пелитчөмөн петис Опошка да старшина коласөт, кöдна сулалисö порог дорас.

– А тэ адззылін талун зонтö да Дарьясö? – шагньөвтис Петра гор бокин сулалис Польшаика дынө. Инька повзьöмувья пондис сярзыны:

– Адззылі, Петра, адззылі...

– Кысь? Көр? – гусьонмоз юалис Дзибыс.

– Асьяпоннас эсті котөртисö... рукьяөсь... кыка, – горзөмөн висьталіс Польшаика.

– Дак кинөс тэ адззылін?

– Көиннэзөс... рукьяөсь... кыка. Гаинчиись вежливец пö нийö көиннэзö...

– Дугды! Эн лёб, ылөстөм.

Пырис Польша да висьталіс, что некытён ния абу, только көиннэз өтік баня дынөт котөртөмась.

– Но мый сия байтö? – лөгөн юалис старшина.

Опошко тэрмасьөмөн висьталіс Польшакаліс баснисö рочөн. Поп кывзис, гыжьяліс юрбөрсö да синнэзнас кваркышаліс. Сэсся крестыштис асьсö, пемыт пельөссэсö, горөн шуис: «С нами крестная сила!» Сия кывліс сэтшөм басниэсö и веритис этаö. Öвсисö быдөнныс, мымдакө некин шы эз сет.

– Ния дзевисö кытчөкө! – горөтис старшина. – Кошшыны колö.

Дзиб Петра вайиөвтис ыбөс, видзөтис гор сайись, нөджжөвтис сёррез вевдöрын куйлан пөввез вылө. А сэсся кытись эшö кошшыны? Польшалөн и джджулыс абу, джджыс му бердас керөм. Сэсся петалисö өтөрö, кошшисисö карч гуись, картаись, гиддзись. Но не Васька, не Дарья некытён эзö вөлö. Опошко сунасьөмөн ветлөтис старшина бөрсянь да думайтис: «Кызд жö менö көинас эз пөртö? Лои бы көин, а деньгаö, товарö?.. Жаль, басөк вөлі нывкаыс, но мый керан! Ме эшö не сэтшөмө адзза...»

Вартлөм пон моз ветлөтис и Дзиб Петра. Сылө эз вөв жаль нылыс, а жалейтис сийö, что оз ло аслас лавка, оз лоö ёрттэзөн гайнскöй рочез. Поп, көть и лыддис, что сийö еныс берегитö, да молитваөн старайтчис вашөтны дынсис бессэсö, сёжö полис мыйкө и корис старшинаөс чожжыка мунны эта умөль деревняись. И чожа мыйись Урваын бөра пондисö кывны силькан шыэз. Только öни ния горалисö кызкө өддьөн норөн, бөрдөмөн.

Неделя бөртгі Урваö бөра локтисö старшина да Опошка и эшö пишала да шашкаа морт. Сэк жö пырисö Польша ордö. Хозяин кувтөдз повзис.

– Где твой сын? – юалис пишала моргыс.

– Некытшөм зын абу, оз тай кыв... Челядьыс öни өтөрö ни ветлөны. А балясö петкөти ни...

– Ылөстөм! – ыксö Опошко. – Сия юалö: кытён пö зоньт?

– Ог төд, нем ог төд. Натьтö, көиннэзкөт котрасьö. Неважын тай Юксёвын пö көинөс вийөмась да кульөмась, дак кучик увтас пö тэ кодь жö паськөмыс... Байтөны тай вөлі: Опошко пö эта. Гайнаись...

– Но-о! дрöжитан шыөн горötчис Опошко. – Тэ унасö эн лёб! А то видзötлы... – и чепöссис öтөрö.

...Кык год чулаліс сэксаць, кызд Васька да Дарья пышшисö гортсиныс. Унажык отирыс вунötсö ни нійö, только аймамыс Дарьялөн мукöдпырсяс жалейтыштасö: вот пö эд декуйтчис кинкö, öтка нывнымöс зверьö пöртисö, и кытөн пö öні сія мый керö. А Дарья öні вöлі ачыс хозяйка виль ыджыт керкуын, кöда сулаліс гажа мыс вылын. А быдмис эта керкуыс неважын, и олісö сэтөн öні нель морт: Матвей, Микитко, Васька да Дарья. А гожумнас этчö жö лöсьötчö локны Пöлька. Да и Епимко бы сы сьöрись оз кольччы, только виль оліссес полöны сійö татчö босьтны: а кызд висьтасяс зонкаыт айыслö Дарья йылысь? Кötь и абу ни öні сія лөг нылыс вылö, и Опонасей сылö враг, да сёжö...

Степан Караваяв

Узьö муын солдат

Дуз керсис öтöрыс, пондiс кымрасьны.
Гажтöм синбанöн видзöтö посад.
Туй дынсянь матын, кытöн көркö бой гөрöдасьлис,
Тöдö көть кин,
Муас важын
Узьö солдат.

Люззьöмön зэрö, и тöv пöльтö небыт.
Кыз ни могиласö сэтöн оз вад!
Кисьтö и кисьтö синваэсö му вылас небо
Тэ понда, зон,
Отирлön зон,
Повтöм солдат.

Шондi югйöвтiс, и гажмис быдлаын:
Ловзисö вөррез, быд ыб лоис рад.
Кадыс чулалас, но мян свободнöй странаын
Оз вунöt вөр
Тэнö некөр,
Повтöм солдат.

1967 г.

Родина нимсянь

Баллада

Муніс Гитлеркөт сьökыт война...
Пауль Зиберт, ээсовец стройнöй,
Улица кузя шагйö пыд ойнас,
Видно, делоз эмöсь уна.

Эта город гөгөр партизаннэз,
Кывсьö, вөррезын шуксьöны тыр.
Гордöй немецез, кыз тараканнэз,
Керку пытшкö дзесисьöны пыр.

Пауль видö охранасö,
Строгöй кылөн баитö:
– Тийö фюрерлö вернöя,
Дойч солдаттэз, служитö,

Медбы гөрд партизанпöлөс
Эз чушкась, кызди мош,
Медбы вöрын бродитикö
Нёрис даже быд ош.

Ачыс пуксис машинаö,
Бокас босьгис фашистöс,
Генералöс кузь кокаöс,
Зэв секретнöй штабистöс.

И машина тэрмасьöмөн
Эта городись петис,
Гигинь-гогиня туй вылöt
Пемыт вөрлань кежötис.

Генерал сэтөн дрөгнитис:
– А тэ кин, лейтенант?
Пауль веськыта брякнитис:
– Ме – совет партизан!

И штабист – вöрись отирлö шедис,
Кыз капканö самасис кöин.
А немецкöй военнöй секреттэз –
Партизаннэзлö бытшöм козин.

Пауль бөр бертис городö,
Öтмөдөрö нёджжөвтис.
Пондис одззамоз шагйыны,
Бытьтö нем эз и вöвлы.

Эта бöрын асьяпонсянь
Врагыт аслыс нерад:
Берездасьöны поезддэз,
Сотчö бомбаа склад.

А то пленнöйез пышшöны,
Немец киö оз сюрö.
Кинöс иньдыны рабствоö –
Гусьөн мунöны нюрö.

Лёк судья, подполковник фашистскöй,
Пон моз лязвö, синбан вылас руд.
Сьöd тюрмаэзын отирсö сисьтö.
Сылö аслыс бы – праведнöй суд.

Пауль пырö судья дынö.
Шуö:
– Родина нимсянь
Получайт гöна моросат
Этö пулясö пымсö!

Пöрис джодж шöрас век кежö
Ён судья, кызд кöньöс.
Пауль кватитис ящикись
Документтэз быдöс.
И оградалань петикö
Адззис тодиль ыбöс...

Лэбис шум улица пасьта.
И котрасьö охрана.
Пауль öтлаын гайзö жö:
– Но кытөн партизаньс?!

Пуксис бур легковушкаö
Кыз ээсовскöй чин.
Лэбзис городсис төвчикөн,
Нем эз вежöрт некин.

Только пондис шушкötчыны йöз:
Немец немецöс сёйö пö. Диво!
Мыйкö тшыкис ариецпöлöс.
Эрварасьöны, оз и дугдылö.

Но казяліс и немец зверсялём:
Пауль Зиберт пö – век партизан.
И кулаксö каратель пидзралö:
– Если ог ме кут – лоа баран!

Мыдзтöдз Паульсö кошшöны
Полицайез, шпионнэз.
И старайтчö быд староста,
И овчаркаэз-поннэз.

Вот деревняö пырисö.
И дзевсисисö вдруг.
– Тэ миянöс засадасис
Эн висьтав, инькажуг!

Инька повзис да чöлөмөн
Керку дынын сулалö.
Вот и Пауль спокойнöя
Сэтчö матö сибалö.

Кыв эз ешты горöтчыны,
Кыз рякöстисö: «Хальт!»

Некытчö сэтөн он пышшы,
Но и шеднытö – жаль.

Пауль горöтис лёкгоршөн,
Киас лэбтис граната:
– Вот кыз смертьсö панталöны
Миян русскöй солдаттэс!

Гымгис потис гранатаыс,
Биөн воздухас вачкис.
Враггез усисö, вийöмось,
Усис Пауль и ачыс.

Сія эз вöв эсэсовец,
Кöть паськöмыс немецкöй.
Сія роднас Россиясь,
И сьöлөмнас – советскöй.

Пауль усис геройөн,
Пуктис мир понда лов...
Эта вöлі разведчик –
Николай Кузнецов.

1967 г.

Леонид Нилогов

Война түйез кузя

Повестись тор

...**Л**ологов Петялө таво тырис 21 год. Чужис, кыз одзжык песняын сьывсис, сьод вөр шөрүн, деревняис петіс.

Быдмис крепыт, топыт мужик. Велөтчис не бура, не умөля, кончитіс посадын шөрөт школа. Муніс велөтчыны Перемө университетө. Велөтчис филологическөй факультетын. Бура любитіс литература, велөтіс йөз кыввез, өддөңжык – немецкөй.

Деревняын, кытөн чужис да быдмис Лологов, оліс австрияк Карл Шмутке, немец. Сія эшө империалистическөй война коста сетчөма пленө, воюйтөма советскөй власть понда Гражданскөй война вылын, и пыр кежө миян страна сылө лоом мөдік чужанінөн.

Петя часто ветлывліс добрөй дядя Карл ордө и кывзіс сыліс басниез төдтөм страна йыліс. Дядя Карл любознательнөй зонкаөс велөтіс радейтны немецкөй народліс культура, сыліс кыв. Сідз сія бөрийис аслыс специальность – лоны филологөн.

Пондөтчис война.

Лологовлөн айыс, өрттэз мунісө война вылө. Петя тожө нуөтіс ассис заявленнө военкоматө, мунны доброволецөн фронт вылө. Но сійө ыстісө велөтчыны авиационнөй училищөб. Медицинскөй комиссия сійө бракуйтіс и бергөтіс гортө. Гортын эшө өтік несчастье ськөт шогмис – вундыштісө аппендицит. И сідз сылөн почти быдса год торксис: эз велөтчы, эз воюйт. Мымдакө уджаліс колхозын, плотьбищын «глухаррез ньөрис». Гортын жө сія төдсасис Настенькакөт, соседнөй деревняис мельник нывкөт.

Эта жө кадө фронт вывсынь локтісө нөштөм юөррез, то өтікөс вийөмась, то мөдікөс. Горе эз ордды и Лологоввезліс керку. Локтіс юөр, что айыс век кежө пуктөм юрсө фашисттэзкөт пессьөм коста.

Лологов Виль год бөрын, 1942 годин, бөра муніс военкоматө, пуктіс заявленнө. И сійө босьтісө.

Фронт вылө мунөм вотөдз куим месяц Лологов велөтчис артиллерийскöй училищын. Но локтис вылсынь приказ, и срок петтөдз, март конечын, курсанттэзөс ыстисö фронт вылө.

Перво курсанттэзлөн эшелон локтис Москваö, сыбöрын вайөтисö Сухая станцияөдз. Станциясынь маршөн мунисö одзлань, рытлань. Лологов аслас синнэзөн адззис войнались удж: сотчөм деревняэз, жугдөм техника, танккез, автомобиллез, доддез, паздөм пушкаэз. Трактис пөлөн то эстөн, то сэтчин сулалисö кузь ряддэзөн кресттэз – фашисттэзлөн могилаэз.

Ойнас локтисö төдтөм деревняö, и сы сайын полк бөрйис позицияэз. Пондисö гарйисыны эшö сывтөм муö.

Кытөнкө бокын кылис пушкаэзлөн букайтөм. Фашисттэз вывланьсынь лэдзисö деревня весьтö югдөтан ракетаэз.

Противник, көр сийö советскöй войскоэз паздисö Москва увтын, вынсьөтчис керны виль контрнаступленнө, старайтчис бергөтны öштөм позицияэз. Зверсялөм гитлеровецез лун и ой наступайтисö мян позицияэз вылө, но ураганнöй бисынь катыльтчисö бөр.

Лологов эстөн первуись вежөртис, мый сэтшөм война: сылсь вийисö ёртсö, кöдакөт төдсасис училищын, уна том боецезөс, первуись адззылис бомбаэзөн, снаряддэзөн бергөтөм, гарйөм ямаэзөн му, разбөм-паздөм техника. Эстөн жö, Сухая увтын, сы сёлөмö мөртчис сэрпөсь жель. Жель, кöда дыр зубыта кильөтис сылсь веммесö...

...Кызкө өтик ыджыт бой бөрын, көр ротаись боецез шоччисисö, локтис төдтөм майор. Сия боецезлис юасис, кин төдö немецкöй кыв. Лологов висьталис, что небура, акцентөн кужö сёрнитны.

Сийö майор нуөтис полковöй штабö, оформитисö документтэз, и ния мунисö мөдик местаö.

Сэжсянь Лологовөс вайөтисö особöй группаö и пондисö велөтны сийö, кыз буржыка баитны немецкöй кыв вылын, уджавны топографическöй картаөн и кужны ориентируйтчыны ойнас компастөг төдтөм местаын, воюйтны пуртөн, инмыны цельö шы вылө, кыз керны взрыввез и уна эшö өтикö-мөдикö. Тренируйтчисö кык месяц. Группайн боецез вөлисö крепытөсь, смелöйөсь, мукөдыс ветлөмась не öтпыр ни врагез тылө заданнөз вылө. Ны мороссез вылын югьялөны наргадаэз – орденнэз да медаллез.

Эстөн сия төдсасис Шевляковкөт, кöда чужаніннас вөли Челябинск увтись, боевой лейтенант Красноперовкөт, кöда сыбөрын лоас ны группайн командирөн.

Вөли шонит ар. Пуэз пондисö вежөтны. Чорзис, быгалис турун. Мукөдпырся ойланьсянь вайөтлис сөстөм, көдзыт ру. Ойез лоисö пемытжыкөсь.

Эта кадö Красноперовөс, Лологовөс, Шевляковөс и эшö кык боецөс назначисö Н-скöй полкись особöй разведывательнöй отрядö. Виль пополненнө панталисö радөн, гөгөртисö вниманнөн, пондисö велөтны нийö асланыс искусствоö.

Особöй отрядлөн командир, бытшөм, гажа капитан Бармин Григорий Сидорович, виль пополненнөсь быд боецкөт дырөн беседуйтис. Лологов öни төдис, что командир – сибиряк, университетскöй образованнөн, война первöй луннэзсянь уджалö разведкаын.

Виль боецезөс заданнөз вылө эз босьтö, нийö тшөктисö буржыка төдсасыны обстановкакөт, отрядись боецезкөт, буржыка ныкөт ёртасыны.

Каждöй операция бөрсянь командир керис разбор. Сия тшөктис внимательнöя

кывзыны виль боещезос, вежортны, что разведчиккез уджын мелочез абуось. Самой учот ошибка вермас шогмотны беда.

Но локтис кад, и Лологовос да модиккезос пополненнейс пондисо босытлыны неиджит заданнез выло. А отпыр Лологов и эшо отик боец-ветеран, сийо сувтотисо старшойон, мунисо фронт линия сайо, фашисттэз тыло.

Ныло воли сувтотом задача, тодны, кытшомось и кызд керомось враглон оборонительной рубежез, кысянь и кытчо локто боевой техника. Разведчиккез куим лун, кызд осторожной зверрез сайласисо, войсалисо, примечайтисо, мый керсо фашисттэз тылын.

Ния вежортисо, что фашисттэз строитисо, буржыка лосьотисо кык оборонительной рубеж. Западлань локтис боевой техника, виль, тодтом вооруженне, сыокит танккез.

Кор ния бертисо частьо и керисо доклад, мый ния адззылисо, командованне висыталис, что вайисо дона сведеннез. Лоис вежортана, что фашисттэз дыр кежо лосьотчоны кольччыны эта позиция вылын, октоны вын виль наступленне кежо. Гитлеровецезлис колдо дзугны планнез. Миян командованне сувтотисо задача: они жо вашотны фашисттэзос эта местаис, – и чожа пондисо чукортны войскоз.

Неделя борти, одз асывнас пондотчис артиллериялон канонада. Джын час артиллеристтэз паздисо гитлеровской частьюлис оборонительной рубежез. Сыборын пондисо штурмуйтны стрелковой батальоннез, и лун концын фашисттэз колисо асинныс позицияз.

Лологов эта борын унаис ветлис быдкодь заданнез выло и медбура сыло юрас пуксис, кызд сия первуис судзотис «языкос».

Миян командованнелю оддлон колисо виль сведеннез, и это вермис сетны только ловья фашист. Но медборья кадо сыокит воли гусявны передовой вылис фашистос: гитлеровецез осторожничайтисо.

Капитан Бармин корис ас дынас Красноперовос, Безбородовос, Лологовос, Шевляковос – богатырь мыгора мортос, Кобычноос – оддлон боек украинецос, да ны одзын сувтотисо задача: талун ойнас гусявны фашистос.

Группаис старшой Красноперов отлаын ерттэзкот сувтотисо операциялис план. Мунис отрядлон командир дыно, и сия эшо керис уточненнез и утвердитис план.

Лологов сидз касытывлис аслас «язык» йылис: «Кор нач пемдис, ми витон муним передовой выло кошшыны «язык». Ойбыт кыссим кынммез выланым нейтральной полосаз кузя. Кызд только пондим сиботчыны фашисттэз передовой линия дыно, ния пулеметтэзис пондисо койны смерть. Либо мянос казялис, либо сидз, гажтомсянь, мян передовой кузя лыйисо. Ми ляпкисим лым выло не куломось, не ловьяось. Куйлим джын час гогор, лыйсом дугдис. Ми одзлань пондим кыссыны. Фашисттэз юр вевдораным «ошотисо» югдотан ракетаз. Бора ляпкисим. Недыр мыйис вилис кыссим кынммез выланым. Сиботчим нач мато ни фашисттэз передовой дыно, саясим керосок сайо. И колдо жо, пулемет дынын гуддисьоны кык фашист! Ния отамодныскот негорон баитоны. Менам пеллезодз локтис, кызд отик фашистыс горотчис: вот бы по они сейыштны дзырыт похлебка, юны настоящей кофе и нюжотчыны узыны. А модыс горотчис паныт, эта по мый, похлебка, ме бы Ева бокын узышти. А тэ тодан, кытшом нылочка? Ох и нылочка! Синнэс гырысьось, зелёнойось, чужомыс гогроса и омыс серало пыр. Берегити ме сийо, модо готрасыны. А они менам Евалис сыломсо бурмото гестаповской офицер, сволочь Мюллер. Война чожа кончитчас, локта гортю, кыкнанныслис юррезнысо керала. Эта басни

бõрын похлѣбка сѣйисыс китш-китш гусьõник ваксыштіс да горõtчис: видзчись пõ, кõр войнаыс кончитчас, мийõ Россия ыббез вылын назёмõ пõрамõ.

Ми сѣ сайласим бугор сайын. Видзчисьны нем, колõ дейвуйтны. План сьõрті перво колõ чечõвтны безбородовлõ и Кобыхнолõ. Нія õтік фашистõс долженõсь вийны, а мõдсõ глушитны и кыскыны асланым частьõ. А ме да Шевляков прикрывайтны нылись ас ладорõ бертõм.

Краснопѣров только мõдїс сетны Безбородовлõ и Кобыхнолõ знак, кыз кинкõ кытсалїс гитлеровецõс. Похлѣбка сѣйись чеччис, мунїс земляккезлань. Но сэк жõ локтіс кытшõмкõ кыз тушаа мõдїк гитлеровец. Краснопѣров õні примитїс мõдїк решеннѣ: кыкнаннысõ глушитны и кыкнаннысõ кыскыны. Сїя сетїс знак, и боеццез секундаõн чепõссисõ фашисттѣз вылõ. Безбородов кыз гитлеровецõс сэк жõ глушитїс, а Кобыхнолõн мыйкõ эз шогмы, и кыкнанныс усисõ. Колїс отсасыны Кобыхнолõ. Фашисттѣзõс домалїмõ, õммезнысõ тупкимõ и пондїмõ кыскыны-гужгыны лым кузя асладорõ. Бõраным кольччис пыдын предательскõй борозда.

Фашист землянкаыс бертїс пулемѣт дынõ. Кõр адззис, что напарникыс õшис, а лымыс гõгõр бура тальõма и казялїс борозда, пондїс горõtлыны и тарзыны-луйны пулемѣтїс. Гитлеровеццез нейтральной полõса вылõ прокод лэдзисõ югдõтан ракетааз. Ми ляпкисьлїм му бердõ. Кõр ракетааз кусасõ, бõра кыссямõ сьõкыт ношазõн. Бõра ракетааз. Фашисттѣз казялїсõ и миян борозда сьõрті пондїсõ луйны миянлань, но пуляз кытчõкõ лѣзисõ одзлань. Миян тожõ пондїсõ луйны фашисттѣзлань. И сѣжõ локтїм асланым передовõй вылõ. Боеццез отсалїсõ кыскыны фашисттѣзõс колан местаõ. Кõр локтїмõ, доложитїмõ командирлõ, что заданнѣ тыртõм, и мыччалїм судзõтõм «языккез» вылõ. Но кõр нїйõ пõрччалїм – казялїм: кыз тушаа фашистыс вõлõм офицерõн и кыскыканым тувдõм. Безбородов лишнõй вын пуктõм сїйõ босьтїкõ».

Эта операция бõрын разведкаыс боеццез дыр сералїсõ, кызд нїя «тувдõм языккõс» кыскисõ асладорõ...

Николай Попов

Эн төждись

Враг дын миян воинлөн
 Ненависть да гнев.
 Мед вештисьны бандакөт,
 Ог жалейтө нем.

Рытлань мийө вешшамө,
 Нуам смертнөй бой.
 Врагкөт эта пессьомын
 Быд боец – герой.

Ог кусиньтчө нем одзын,
 Оз кут полан шог.
 Пуляэзным метокось,
 Лэчыт быд клинок.

Фриц оз пышшы ловьяён,
 Кыдз бы эз дзевсись...
 Локта гортө, локта ме,
 Нылөй, эн төждись!

Чожа, чожа кончитам
 Медбөрья поход.
 Сотам, нетшкам вужсорөн
 Лёк фашистскөй род;

Сэсся медбы му вылас
 Вились эз мыччись...
 Локта, нылөй, гортө ме,
 Локта, эн төждись!

Лөнсьяс дөс гымалөмыс,
 Петас мирнөй кад,
 Сөстөм лоас воздухыс,
 Ошас порох чад.

Шонтас мулись мороссө
 Шондлөн югөр...
 Локта, локта гортө ме
 Тэ дын, сьөлөмшөр!

Апрель, 1943 г.

Зончка

Шоччисьом бõрын иньдõtчим,
 Одзлань вештам мийõ кок.
 Адзам: зончка сибõtчõ,
 Зэв печальнõй чужõмок.
 – Тэ кытчõ, зонок, шагнялан,
 И кытшõм нырыштõ шог,
 Синнэт тырõмась синваõн,
 Кин жõ керис тэныт лёк?
 – Вот кыззаиньскõt ордчõн
 Вõли нейджит посад;
 õнi сэтчин нем эз кольччы:
 Дõс палитiс немец-гад.
 Дыр õгралiс ыджыт биыс,
 Сотчис миян оланiн.
 Немец мамõс менчим вийис,
 Абу менам род некин.

Айõ фронт вылын тышкасьõ,
 Повтõг паздõ врагпõлõс.
 Может, ськõt тi пантасят,
 Дак висьталõ сылõ дõс...
 Кывзам ми, и бытьтõ ачыс
 Киным жмитõ автомат.
 Быд боец миян коласiсь
 Нем мõдикõ оз думайт.
 Медбы только вийны врагõс
 Быдкодь бойын, кõtь кытõн,
 Мымда лёк миянлõ вайис –
 Сылõ вештыны быдсõн.
 Грознõй шагõн ми оськалам,
 Враг оз мун, оз пышшы, оз!
 Мийõ муõн дõс сорлалам
 Сылiсь лёк бандитскõй поз.

Сентябрь, 1944 г.

Колодец дынын

Ми деревняõt оськалiм,
 Сувтчим, керимõ привал.
 Вон колодецьи, тыдалõ,
 Басõк ныв гумалõ ва.
 – Мича ныв советскõй мулõн,
 Кõдзыт ванат гõститõt.
 – Дона воннэз, нате юõ,
 А кытчõдз тiян туйдõt?
 – Роднõй му вылõt шагнялам,
 Мунам перыта одзлань.
 Врагыс поз дынõ сибалам,
 Мийõ вуджам сылiсь грань.
 Ми чулõtам ыджыт бойез,
 Разям враглiсь оланiн.
 Эта туйын миян лоас
 Бõрья станция – Берлин.

Сентябрь, 1944 г.

Любовь Боталова

г. Кудымкар

Осень

Как пушинка на ветру
Я по жизни пробегу,

Пробегу легко, воздушно.
Иногда бывает грустно.

Иногда бывает жаль,
Что закончился февраль,

Иногда жалею лето,
Птицами не все пропето.

Осень тоже иногда
Жаль бывает. Так светла.

Тонкий шорох, ясный день,
Грибов шапки – набекрень.

Осени и свет, и тень
Нас тревожат. Нега. Лень.

Чуткость воздуха поутру,
Полутень и нежный взгляд.
Листья красные летят.

Озимь яркою заплатой
На земле сырой, лохматой.

Журавлиный клин летит,
Нам курлычет, нас манит.

Что такое любовь?

Что такое любовь?
Это – пауза, тишь!
Что такое любовь?
Когда вместе молчишь.
Что такое любовь?
Ожиданье и дрожь!
Что такое любовь?
Это – правда, и ложь.

Плывут года, как облака

Плывут года, как облака,
Не возвращаясь.
Плывут года, как облака,
Тебя касаясь.
Плывут года, как облака,
То вверх, то ниже.
Плывут года, как облака,
Не став нам ближе.

Плывут года, как облака,
Уходят в небо.
А ты всегда мне другом был?
А, может, не был?
Плывут года, как облака,
За горизонт уходят.
А дни то вдруг бегом бегут,
То еле ходят.

Плывут года, как облака,
На солнце тают,
А жизнь моя, как та река,
Их отражает.

Август. Провожая лето

Кругом зеленого так много!
Грустит ромашка у пыльной дороги.
И колокольчик, головкой кивая,
Нас провожает, а, может, встречает?
Мята пахучая с гвоздикой щебечет,
Лопух придорожный пылью отмечен,
Тысячелистник и одуванчик –
Легкомысленный, милый обманщик,
Смотрят на солнышко и на дорогу.
Лета осталось немного-немного...

Снег падает...

Снег падает на верхушки,
Снег падает на макушки,
Снег падает и на крыши.
Снег падает! Тише, тише...
Снег искрится, сверкает,
Снег сверкает и тает,
Красоту свою
В грязь превращает.
Так и души людские,
Их хрустальные
хрупкие грани
Трещат и ломаются,
Повседневностью маются,
И совсем исчезают,
Улетают, летают, летают...

Раиса Яковкина

с. Левичи, Косинской район

Что есть гармония души?

– Что есть гармония души,
И как найти бы к ней ключи?
Березка, милая, скажи
И тайну жизни подскажи.

Как только теплые лучи
Согреют веточки мои,
Меня ты крепко обними,
И я отдам тебе ключи.

Ты посмотри вокруг себя –
Ты в этом мире не одна,
Вокруг тебя твои друзья:
Зима, и лето, и весна.

А в жизни столько красоты,
А в жизни столько доброты,
Ты теплотой души своей
Родных и близких обогрей.

Тоску, обиду и печаль
Отправь в неведомую даль.
Ну а гармонию души
Поверь: ты обретешь в тиши.

* * *

Кин менö сьöрас корö?
 Думаэз юрам сорö?
 – Лок татчö, – шуö кымөр,
 – Эн кольччы, – шушкötчö вөр.
 Кымөрö менам не кайны,
 Кыз вötись ме талун сайми.
 Вөр и кымöрыс пантасисö,
 Менчим зэв дыр эд юасисö:
 – Тэныт ми сетам вын,
 Сьöлöмыт оз ло кын,
 Öбидасö юрсит шупкы,
 Гажсö тэ юр увтам пукты.

Лебедушки

Кружат птицы над разливом,
 Освещенные зарей,
 Клики гордые игриво
 Раздаются надо мной.

Их распахнутые крылья
 Цвета снежной белизны
 Позабыть уж не смогу я,
 Будут сниться долго сны.

Никого не замечая,
 Сели на воду они,
 Я, за ними наблюдая,
 Любовалась до зари.

Вот лебедушки поплыли,
 Шеи вытянув свои,
 И о чем-то говорили.
 Тут попробуй-ка, пойми.

Вдруг, как будто по сигналу,
 Громко крыльями шума,
 Отдых свой они прервали
 И покинули меня.

Этой сказочной картины
 Нет чудеснее нигде,
 А лебедушки из глины
 Подарю я лишь тебе.

Эн тöждись

Сулалö кудриа кыззок,
 Краситöм ар листоккез сылись,
 Кыдз басök статя нывкаок
 Гажötны вöрсö локтöм ылись.

Шушкötчö гусьöна кыззок,
 Висьтасьö сказка том кыззоклö:
 – Матöжык ме дынö тэ лок,
 Ог сет ме тэнö лёк тöлоклö.

Козьналис ар тэныт паськөм,
 Мичötис листгэз басök рөмөн,
 И горөн тэпкötö сьöлөм.
 И басök песня кылö омөн.

Козиныс арлөн – веж бикыв,
 Кыдз дона золото югьялö,
 Но локтö арся кодзыт төв
 И тэнчит листтэтö гусялö.

Эн горзы норöна, кыззок,
 И листтэтötг тэ меным колан,
 Небытик менам быд улок,
 И гажöна ме вöрын ола.

А локтас тулыс мича, гаж,
 Дубасыт лоас виль, зелёнöй,
 Тэ эн тöждись, тэ басök, чож,
 И ог ми лоö тэкöt торйөн.

Иду за песней

Иду за песней, что за лесом
Летает где-то в вышине,
Как будто сердце мелким бесом
Стучит и бьется в тишине.

А песня плачет и рыдает,
Ее догнал густой туман,
Моя душа за ней летает
И верит: песня не обман.

И я лечу, лечу за нею,
И так догнать ее хочу,
Свой шаг замедлить я не смею,
Слова любви ей вслед шепчу.

Незабудки

Милая, взгляни на незабудки, –
Скромные, чудесные цветы,
Все печали, горести забудь ты,
Сбудутся прекрасные мечты!

Мраморные лилии кичатся
Красотой и роскошью своей,
Только незабудки не стремятся
Быть крупнее, ярче и пышней.

Отразилось небо голубое
В каждом вашем нежном лепестке,
Разве может счастье быть иное,
Если столько радости в цветке!

* * *

Чужаніныс эм быд мортлӧн,
Но меддона Коми край,
Меным медбур овны гортын,
Кытӧн олӧ мам и ай.

Вӧрӧ муна – сьӧлӧм кыскӧ,
Пулӧн листтӧз – небыт шӧлк.
Менам пельӧ песня кылӧ,
Сійӧ сьылӧ руд каӧк.

Видзыс вӧр дорын сералӧ,
Горадульыс, дзик биок,
Веж юроксӧ лӧбтӧм вылӧ, –
Сія шонділӧн соӧк!

Муна нюрӧ, – син радуйтчӧ,
Туримольыс – гӧрд пристеж,
Ӧкта дозам, шынӧ серӧмтча,
Кошша гортӧ бӧр туйвеж.

Том кӧзоккӧт здоровайтча,
Менӧ тӧдӧ быд пуок,
И шыннялӧ ӧзимчача,
И югьялӧ лӧз юок.

Вӧрсӧ учӧтсянь радейта,
Овны сьтӧг абу вын,
Аслам мулӧ гажӧс сета,
Гортын чӧскыт горись тшын!

* * *

Югытөдз ми вөлім кыкөн,
Эг казав, чулаліс ой,
Бөр пантасям талун рытөн,
Төліньбй, тэ эн ни кой!

Лымсө сымда тэ вайөтін,
Милөйлөн оз төдчы след,
Мыля туйсө тэ нбөбтін?
Меным чоужык сет ответ!

Милөй туйсө талун өштас,
Мекөт ордчөн олө ныв,

Сія милөйөс ылөтас,
Пыртас гортас, ог и кыв.

Кызд ме понда өтнам овны,
Дона, бытшөм коми зон?
Тэныт эг ме понды ковны.
Ох, нырыштө сьөкыт он...

Сайми ме, өшын дын локті,
Радөн төпкөтө сьөлөм.
«Дона ныв, ме тэ дын берті,
Вайи ассим любитөм!»

Мам йымысь песня

Быдтін зонто, кызд син берегитін.
Менө, зонто, радейтін ёна,
Тэ ойбыттэзөн зыбка гыччөтін,
Тэныт му вылын ме меддона.

Мама, мама, ме тэнө любита,
Мама, мама, сьөлөм бердө жмита,
Локта гортө, кызд борддзён лэбзя,
Төда бура: тэ менө видзчисян.

Эг казав ме, кызд армия локтіс,
Тэ кольлалін, а синнэзат шог,
Шогыт тэнө эд ёна нырыштис,
Енлө кеймин, кытчөдз ме эг лок.

Локтіс кад, и ме нывкаөс адззи,
Тэ дзарнитін, а синнэзат гаж;
Моньтө тэнчит аканьөс кызд видзи,
Эг казав, что паськөмыт дөс важ.

Праздник локтас, ме цветтэз козьнавны
Дона иньлө некөр ог вунөт,
Тэныт, мама, рам кывсө висьтавны
Ассим кадсө некызд ог тырмөт.

Мама, мама, тэ менө проститан,
Мама, мама, тэ менө любитан,
Өддьөн рад ме, что эм менам горт,
Тэ эд му вылас меддона морт.

Нина Бражкина

с. Белоево, Кудымкарской район

КЫВБУРРЕЗ, СЫЛАНКЫВВЕЗ

Менам Белоев

Көр Кудымкарсянь ойланы иньдөтчэн,
 Чожа лэбзьё туй боккезын сад.
 Юр бергөтлан, ёшынё видзөтчэн
 И казялан Белоев посад.

Кыз тэ сэтшөмөн басөкөн лоин?
 Мунё тэ шөрөт шуч гажа сад.
 Лоин меным сёлөмви, Белоев,
 Тэсса абу басөкжык посад.

Онi ачым Белоевын ола,
 Быдта зоннэз, садита виль сад.
 Аслам песняён отирлө кола,
 Менö оз лэдз Белоев посад.

Лоин меным сёлөмви, Белоев,
 Мунё тэ шөрөт шуч гажа сад.
 Эх, Белоев, тэ менам Белоев,
 Тэсса абу басөкжык посад.

Сетис меным Белоев, мый колö,
 Мый сёлөм корö, дөс татөн эм:
 Уджын отирыс сьылö да олö,
 Абу ме понда буржыкыс нем.

Өтнат пыр кеж сёлөмын тэ лоин,
 Мунё тэ шөрөт шуч гажа сад.
 Эх, Белоев, тэ менам Белоев,
 Тэсса абу басөкжык посад.

Мама моя

Вот опять я иду по знакомой тропинке.
 Как давно я не видел родные края.
 А вокруг все мое, до последней травинки,
 И деревня родная, и мама моя.

Припев: Здравствуй, мама моя!
 Как давно я не видел тебя.
 Где бы я ни бывал, маму не забывал.
 Здравствуй, мама родная моя!

Как всегда, колосится на поле пшеница,
 Вдоль знакомой тропинки растут тополя.
 И все так же поют голосистые птицы.
 Не забыть тебя сердцу, родная земля.

Припев.

Время быстрое мчится вперед, словно птица.
 И зовут уже бабушкой внуки тебя.
 Колосится по-прежнему в поле пшеница.
 Я сквозь годы иду к тебе, мама моя!

Припев.

* * *

В. В. Климовлө

Ой, сьлькан тэ зарниа,
 Том да гора шыа.
 Талун менам Пармаё
 Мебур мортлө сьылө.

Припев: Талун сьылам, талун йёктам,
 И сьёлөмным оссьё ван.
 Ми сьылөтамё поэтёс,
 Косьям шудаё олан.

Мымда керин йёз понда –
 Тырмис вын быдлаё.
 Ёні сьылам тэ понда,
 Лолыт ась радьялө.

Припев.

Ой, силькан тэ зарниа,
Тэ видзёт, кыз донтё,
Кыз радейтё Парманым
Ассис медбур зонсё.

Припев.

* * *

А. И. Клециплё 70-годся юбилей кежё

Коми край тэ менам,
Дыр видзчисин овтён,
Кин гажётас тэнё
Да сьылётас ловтё.

Сыкёт ми сьылётам
Камасё, Кувасё,
Ыб дорись жельнөгсё,
Иньва юсис васё.

Тэнат вөррез шёрын,
Тэнат небо увтын
Миян композитор
Коккез вылё сувтис.

Юбилейён талун
Радён поздравляйтам,
Ыджыт гаж да счастье
Сьёлёмсянь желяйтам.

Сылён сьыланкыввез
Киссисё быдлаёдз
Перемёдз, Свердловскёдз
И ылись Москваёдз.

Тэ примит миянсянь,
Композитор дона,
Радейтём сьёлёмсянь,
Пым привет поклонён.

* * *

*В. В. Рычковлё,
Белоевскёй школаись вытукниклё*

Зэв бытшём зонёс му перковскёй чужтис,
Туйдётис одзлань школаным сьёрна.
И этё туйсё зонка талис-ружтис,
Оланё мёртис вужжез пыдына.

Кытён эд сiя только эз велётчы!
Кинён эд сiя сэсся эз уджав!
Кытшём бы гырись отиркёт эз тёдчы,
Но туй вылись эз кеж и эз джёмдав.

И петис сьись өддьён бытшём мортыс
Историк, и политик, и поэт.

Ёна гордитчө өні сыён гортыс,
И обидитны некинлө оз сет.

Котёртө кад, вирдыштө чождардбиён.
Но мымда бы эз кывтө годись год,
Лэбавны сылө одзлань чождуриён
Да лоны томён, дзырытён прокод.

* * *

Л. П. Ратеговалё

Визывтө олан бытшөм серён,
Котёртөны годдэз сьөрна.
Но Ен тэнө шудаён керөм
Да сетөма мывкыд уна.

Мөдик тэнат шуд – тэнат гортыт:
Эд олан музейын тэжыв.
А шуд куимөт – тэнат ёрттэт,
Кыным ня – лыдды, пондыв.

Мыйын тэнат шуд? Ыджыт уджын,
Бергөтан көдө уна год,
Өгралан быд лун, сосыт пуджөм,
Тэ отир коласын прокод.

Ась Ен тэнчит шоггесө вөтлө,
Ась лоас олан тэнат бур,
Ась одзлань керөссэз бергөтлан,
И сотчө сьөлөмын бипур.

* * *

*Ю. Г. Караваевлө,
Йөг посадись гармонистлө*

Кольөм векын, төдан, он,
Йөг посадын чужис зон.
Көть и быдмис вичку бокин,
Енлө эз тэчлы поклон.

Йөг посадись зонпөлөс
Пондис хорын сьывны дөс.
Сэссия ветлисө Свердловскөдз,
Мед гажөтны сэтчин йөз.

Тилим-бом да тилим-бом
Бытшөм зонка быдмис том.

Тилим-бом да тилим-бом
Ох и сьылисө вадом.

Томсянь весь сја эз ов,
Сьөкыт уджезись эз пов.
Пондис лэбтыны культура,
Уджын радөн тырис лов.

Көть чулалис уна кад,
Сө гажөтө Йөг посад.
Кыз гармоньясө паськөтас –
Киссьө песня, быдыс рад.

Тилим-бом да тилим-бом
И оланлөн абу пом.

Тилим-бом да тилим-бом
Пыр сьөлөмыс сылөн том.

Анжела Федосеева*Чураковской школы, Косинской район**Дегөлө*

Тэ пöрисьмин, чужöмыт чукрассис.
Киэт, пулөн дзик косьмöм улок.
Олантуйтö пыр донтан тэ ассит.
Сё ас пытшкат пöльыштан бы лов.

Он верит тэ не Енлö, не властьлö.
И надейтчан тэ ас вылат пыр.
Олантуйтö оськöвтикö часöt
Пым сёлöмат öгралö бипур.

Кöркö сила-мылаыт тырмис
Вына врагöс давитны ёна.
Эн тэ повзы, кызд вермин тэ пессин,
Сьöd варышшезöс паздін бура.

Локтис кад, көр бы колö шоччисьны,
Внуклö гусьөн лыддьötны кывбур.
А война йылись он бы баит тэ,
Шуан: «Мöртчис сёлöмам лёк пурт».

Тэ вунöt, деда, враглись чужöмсö,
Эн бергöt война кадсö тэ бөр.
Ась тэ юр весьтын – пыр мича шондi,
И висьтала ме: «Дырзык тэ ов!»

**КУДЫМКАРСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕДЖИСЬ
ВЕЛӨТЧИССЕЗЛӨН КЫВБУРРЕЗ**

Анна Плотникова

Ме чужи коми муын

Ме чужи коми муын
И овны понда эстөн,
Кытчөдз менам сьөлөмын
Югыт биок оз кус.

Бичирыс эта шедас
Кинлөкө пым сьөлөмө,
Саймөтас сия сэтөн
Мам кыв дын радейтөм.

И биыс эта өзьяс
Югыт-югыт бипурөн
И сетас мөдик мортлө
Ыджыт отсөт да вын.

Вөр понда шог

Парма, ме тэнө радейта,
Ме татөн шогми, татөн бур.
Кытчө ме татись өні муна?
Кытөн гажөтчис бы синбур?

Вот кызкө кайи ме тшакъявны.
Чайті, вөрас тшакыс тыр.
Видзөта: вөрыс эстөн абу,
Гөгөрын кольччөм өтік мыр.

Сьөлөмам бытшкис бытьтө пуртөн:
Кин дзугис миян вөрлісь шы?
Разь туйө шуны сійө мортөн,
Кин басөк вылө лэбтіс ки?

* * *

Локтіс төв. Мороз сибалис,
Сыкөт өтлаын лымок,
Но а арыс сө вермасис,
Көть ни эз вөв сэтшөм мог.

Төв шутняліс, кынтіс ныр.
Гортат чожжык өні пыр!
Горвыв сёрдын пукалышт,
Канькөт боккетө шонтышт.

Екатерина Петрова

Зэра лунё

Ветлөны горт весьтын кымөррез,
 Вевттьёны шонділісь югөррез.
 Пемдіс өтөрын, пондіс вотясьны,
 Сэсся кисьтыны-зэрны,
 Вирдавны, гымавны.
 Гажтөм думаэз юрын бергалёны
 И кызд кымөррез жö,
 Кытöнкö ылын-ылын уялöны.
 Но пырас öшыно шонді югөр,
 Гаж бертас сёлөм вылö бөр.

Кань

Öшын вылын куйліс кань,
 Вöлі сія Узись Вань.
 Вöт сія вötасис:
 Шыр сёррын котрасис.
 Эз шед сёлö шырыс:
 Керкуокö пырис.
 Шогö сы кузя эз усь –
 Кутіс, если бы эз узь.

Мам

Мам –
 Этö кывсö быд учотик тöдö.
 Мам
 Тэнö садикö нöбötö,
 Мам
 Сэсся школаись вайötö.
 Мам,
 Мымда ойез тэ эн узь,
 Мам,
 Юр вылат лоöма ни пуж.
 Мам,
 Кызд керны сідз,
 Мед некөр сёлөм тэнат эз вись?

Менам Парма

Гажа Парма – менам горт,
 Радейтö тэнö коми морт.
 Горадзуля басök видз,
 Вöрын чöскыт гөрд öмидз.
 Гортісь валөн чöскыт көр –
 Ог вунöt сійö некөр.
 Гора, небыт коми кыв,
 Бытьтö визыв мича ныв,
 Ордчөн лайкыта оськалö,
 Овны отирлö отсалö:
 Шонтö, дзардö, сетö вын,
 Медбы эз вöv сёлөм кын.

Алексей Епанов

Кыззак

Вежөрттөг мыччисин,
Казявтөг саясин,
Чөлін, сулалін,
Да киззнат өвтін.

Мыля нө сідз овлө?
Кинкө чегөтө,
Кинкө веськөтө,
А кинкө видзөтө...

Зэрыс вадіс,
Шондіыс косьтіс,
Отир чеглаліс,
Миссис да пывсис.

Тэ ойзан да горзан,
Шысеттөг сулалан,
Видзчисян дорйисьёс,
Думайтан: отсалас.

Ксения Утробина

Парма, ме тэнө сьөлөмта!

Парма, ме тэнө сьөлөмта!
Тэ ме понда – юрвердісь.
Чужи-быдми тэнат вөрын,
Лои ме – не весь олісь.

Ме висьтала тэныт, Парма,
Ас сьөлөмсянь сэтшөм кыв:
«Адзза тэнө быд вөрпиын,
Быд турунын, кайын, пуын,

Тэ ме понда – шондібан!
Ме – кага тэ понда, тэ – мам,
Көда быдтіс да зорөтіс,
И оланын пыр иньдөтіс».

Елена Кривошекова

Бабёлә

Талун луныс гажтөмсяліс.
Кыліс өтөрсянь горзём.
Керку пытшкын уна отир,
Нельки кань дзевсисьём жём.

Мамö синнэз ассис чышкө,
Дед пукалө, топ кыз мыр.
А вонокö ёна горзө,
Оз письты висьтавыны кыв.

Бабё шы ни талун оз сет,
Куйлө гробын, кызди йы,
Синнэсö пöдналіс пыр кеж...
Кызд янсөтчам ськөт ми?

Дона мортным лөня куйлө,
Оз ни кыв сія висьтав,
Рам сьөлөмыс сьлөн кусіс,
Оз ни шинь-серём козьнав.

Чужан муё

Чужан муё, менам Парма,
Мича менам коми кыв!
Гожум шондiөн сывьялө,
Оз жалейт ассис öгыр.

Быд пельöсыс миян басöк.
Тэ, дона Парма, коми горт,
Кызд эд гажөтан тэ миянöс,
Сьөлөмтö тэнö коми морт.

Рамыник төв пöльтыштö паныт.
Лолавыны сөстөм руөн бур,
А мунан вөрö кө тшакьявны,
Панталасö и көч, и ур.

И быд пуокыс кисö сетас,
И небыта шушкыштас кыв.
Ме аслам Пармалö висьтала:
«Эд пыр тэ пондан овны, пыр».

Мария Ермакова

Дона горт

Любита тэнö, гортiньöй!
Любита паськыт видз
И вөр, кытөн öктывла
Ме гожумөн öмидз.

Любита ыркыт юын
Уявны, көр жара,
Лолавыны чөскыт руөн,
Көр цветитан пора.

И тулыснас ме кывза
Ыбшарлісь питиртөм,
Радейта ме пантавыны
Сьөдкайезлісь локтөм.

Ме татөн ола, быдма,
Эм менам уна ёрт.
Ме тэнö пым сьөлөмсянь
Любита, дона горт!

Эта менам коми муö

Паськыт вöррез омөн му пасьта,
Ны коласын визыв сöстөм юэз.
Лöз енöжын шондiлөн шынньöв –
Эта менам дона коми муö.

Дзоридзасьö басöк чочком льöм,
Чöскыт дук сулалö ыркыт руын.
И öгралö быдкодь рöмөн видз –
Эта менам басöк коми муö.

Кыла бытшöм коми сьыланкыв,
Небыт кыввез аслам ёртлö шуа.
Шонтö коми кыв менчим сьöлöм –
Эта менам гора коми муö.

Мамö, тятю, ёрттэз, сой да вон,
Кань да пон, и нельки карчез гуын...
Эстөн дона меным быд торок –
Эта менам ласков коми муö.

Ксения Ермакова

Менам Парма

Парма... Челядь кадсянь тöдса кыв
Шоньтөн вöрзьöтыштö сьöлöмöс.
Менам ласков мам, ме – тэнат ныв.
Тэ веськöтан менчим быд висьöмöс.
Пемыт кадö сетан пыр отсöt,
Кöдзыт төвсянь вевтян, бура шонтан.
Тэсся буржык ёртсö ме ог төд,
Сийөн тэнö öддьөн ёна донта.
И кытшöм бы эг адззыв ме му,
И кытчö бы эз нöбöтлö коккез,
Только эстөн сэтшöм сöстөм ру,
Сэтшöм паськыт вöррез, лöз юоккез.
Парма – менам ёрт, и мам, и горт,
Эстөн эм быдöс, мый ловлö колö,
Эта мирын ме – медшуда морт,
Сидз кыз чужи Пармаын и ола.

Белькова Светлана*Дона горт*

Көр ме Пармайт оськала,
То радъялө пым сьолөм:
Ыббез, видзез, югыт ваэз,
И быдлаын сөстөм рөм.

Чужанін паськөтас кизз,
Жмитас бердас, бытьтө мам,
Ай моз юрөттям малыштас
И окыштас рожабан.

Паськыт видз вылө котөрта,
Нетшка ме дзоридзез тыр.
Сьыланкылө Парма йылись
Мед горалис дырся-дыр.

Ме висьтала «аттьө» сьлө –
Дона гортлө, Парма мулө,
Мед зорамис, мед вынсялис
Лунись-лунө, лунись-лунө!

Надежда Трубинова*Дона Парма*

Эм му шар вылын дона тор,
Сыкөт йитөтыс некөр оз ор.

Сэтөн басөкөсь дзоридзез,
Сук вөррез, ыббез, рөма видзез.

Кама, Иньва да Кува, –
Корө дынас нылөн ва.

Чужанінам отир олөны,
Татөн быдмисө, татөн колөны.

Менө Парма кок вылас сувтөтис,
Вердіс, пасьтөтис, вежөр зорөтис.

Ыджыт «аттьө» ме сьлө висьтала,
Шоныт кыввез, сьолөмөс козьнала.

Любовь Кибанова

Бабёлө

Ме радейта тэнö, баба,
 Менам меддона тэ морт,
 И быд кадö пыр ме радма,
 Көр адззыла тэнчит горт.
 Ме эд төда: тэныт сьöкыт,
 Что шогалан öддьөн пыр,
 И ме төда, что гажтöмтчан
 Öддьөн, көр ме абу дыр.
 Аслат шоныт керкуокат
 Тэ менö видзчисян,
 Көр ме локта, тэ шынняян –
 Шондiөн мыччисян.

Тулисся Парма

Шынняялö мича шондi,
 Радъялö ни расок.
 Тулыс! Ловзьö Парма,
 Веськötö ки да кок.

Дзик нывка, том да басök,
 Пасьталис мөдötчан,
 Миссьötис сötöм ваөн
 Мича чужöмбан.

Юркытшас – горадуллез,
 Дубасас – вөрлөн рём.
 Коккезас – нинкөммез.
 Чужöмын – шын-серём...

Шынняяв тэ, дона Парма,
 Радъяв и шуд ыждöt.
 Сьölöмыт тэнат осьта.
 Сет томмезлö пыкöt.

Взгляд изнутри и со стороны

Заметки о Коми-Пермяцком литературном объединении
(1922–1975 гг.)

Любителей сочинять связный текст, придав ему некую художественность, находилось во все времена, даже в примитивных культурах. Об этом говорят дошедшие до нас древние мифы и сказки бесписьменных народов, их заклинания и обереги. Не являются исключением и коми-пермяки, создавшие прекрасные образцы устно-поэтического творчества, а с зарождением письменности – литературные произведения.

Принято считать, что первыми литературно-художественными текстами были сочинения учащихся и преподавателей школы второй ступени с. Кудымкара в 1922 году. Сборник был рукописным, в единственном экземпляре и назывался «Лымдорчача» (Подснежник). Тот «самиздат» явился плодом литературно-творческого кружка, в который, кроме школьников, входили учителя: А. Н. Зубов, Ф. А. Тупицын, П. М. Казанцев и примкнувший к ним молодой агроном Ф. Г. Тараканов. И тот маленький кружок мы вправе считать прообразом писательской организации коми-пермяков.

Некоторые стихотворения кружковцев в том же году были напечатаны в коми-зырянском сборнике «Парма ёль» (Лесной ручей).

Кружок вскоре распался, но, видимо, еще в его недрах созрел план издания печатного сборника, который вышел в Усть-Сысольске в 1923 году под названием «Гора дзуль» (Звонкий шар). Коми-пермяки имели в виду растение горадзуль (купавка), а издатели переименовали на зырянский лад.

После издания такой книги, казалось, должна была возникнуть литературная ячейка коми-пермяков, но этого не произошло. Лидером ячейки могли стать А. Зубов либо Ф. Тараканов, но первый с головой ушел в сферу народного образования – стал составлять учебники для школы и пунктов ликбеза, а второй всерьез занялся национальной политикой. Сплоченного писательского коллектива не появилось и после образования национального округа в 1925 году. Но в то же время литераторов объединило общественное движение под названием «Коми рыттэз» (Коми-пермяцкие вечера). Главной задачей тех вечеров было просвещение крестьянских масс, подъем их общей культуры через национальную литературу и искусство. Это было стратегическим направлением, но не единственным. Как вспоминает участник такого вечера, устроенного в с. Пешнигорт, И. Е. Мехоношин, первым номером программы была беседа о текущем положении в стране и национальной политике партии и только после этого

началась художественная часть. Она отводила немало времени антирелигиозной тематике. Эта тема подавалась через песню, интермедию, декламацию. В целях наиболее весомого назидания использовалась и русская литература. И. Е. Мехоношин рассказывал не только коми-пермяцкие анекдоты-побаски о попах, но и читал «Катавасию» Д. Бедного, где показана драка между дьяком Киrom и попом Афанасием.

С появлением в конце 1926 года газеты «Гӧрись» (Пахарь) писатели стали активно сотрудничать с ней и публиковать свои произведения, что явилось хорошим стимулом для творчества. В это же время, по-видимому, сформировалась коми-пермяцкая группа КАПП (Коми ассоциация пролетарских писателей). Ответственным за работу этой группы был В. И. Дерябин, имевший авторитет не как писатель, а как старший товарищ, участник Гражданской войны и партийный активист. Группа была малочисленной, но работала системно и, как отмечает Ф. Тараканов, обладала духом творческого соперничества.

В самом конце 20-х годов в группу влились Иву Степко (С. Караваев) и Василь Миков (Н. Попов).

Нам мало известно о реальных действиях этого коллектива, но несомненно то, что он имел влияние на общественную жизнь округа. Меж тем группа не была однородной, были большие разногласия между А. Зубовым и Ф. Таракановым. Последний, бывший армейский чекист, враждебно относился к таким творческим личностям, как П. И. Субботин-Пермяк, ученый И. Я. Кривошеков, потому что они не пролетарского происхождения. Это мнение Ф. Тараканова я услышал и при первой с ним встрече в с. Крохалево, слышал подобное и позже. За такие дерзости и большие разногласия с партийной организацией он был исключен из рядов ВКП(б). Затем был восстановлен, а после исключался еще дважды и снова восстанавливал свое членство и скончался как преданный боец ленинской гвардии в возрасте 97 лет в Сыктывкаре, куда выехал из Кудымкара в 1928 году...

Второе послереволюционное десятилетие для коми-пермяцких писателей явилось вполне благодатным: были созданы прекрасные стихи, поэмы и драма А. Зубовым, глубоко реалистический роман «Менам зон» (Мой сын) М. Лихачевым, колоритные, самобытные стихи о родном крае Н. Поповым и С. Караваевым. В этот же период появилась национальная базовая учебно-педагогическая литература, которая в значительной степени была создана писателями. Кроме этого наши литераторы перевели с русского и коми языков ряд произведений, насыщенных революционной романтикой, патриотизмом, что сыграло огромную роль в деле воспитания будущих защитников Отечества.

Первыми авторами учебников были А. Зубов и М. Лихачев. Уже в 1928 году из-под их пера вышли «Коми грамматика для учащихся» (А. Зубов), букварь для взрослых «К новой жизни» и грамматика для взрослых «За работу» (М. Лихачев). Эти учебники и некоторые произведения русских авторов, переведенные на коми-пермяцкий, были изданы в Центральном издательстве СССР в Москве, где функционировала коми-пермяцкая секция, в которой в разных должностях трудились С. Караваев, Н. А. Спорова, З. А. Тетюева (эти преданные душой делу книгоиздательства женщины без перерыва проработали в издательстве до 1970-х годов).

А. Зубов, Н. Спорова (будущая, вторая супруга Н. Попова), М. Лихачев, И. Шадрин были и переводчиками с русского языка на коми-пермяцкий. А зачинателями в этом деле были В. Дерябин и В. Субботин, переводившие песни.

Знаменательным событием для округа стало создание книжного издательства (директором был назначен С. Ф. Зубов) в 1930 году. С той же поры благодаря

совместной работе издательства и писателей стал выходить детский журнал «Дзуль-зян кай» (Певчая птица).

Несколько учебных пособий, в том числе первый букварь для учащихся, подготовил С. Ф. Грибанов (позже он в соавторстве с А. Т. Мошеговой издал второй букварь).

По некоторым сведениям, С. Зубов, проявлявший большой интерес и радение к культуре коми-пермяков, сам не писал, не занимался составлением учебников, но постоянно способствовал творческим личностям в их делах. По характеристике Н. А. Споровой, он, как и М. Лихачев, не был настырным и пробивным, но все-таки в первые же месяцы существования издательства добился от властей разрешения жилищных проблем для сотрудников издательства и типографии, которая была тогда подвластна издательству.

В 1934 году состоялся Первый съезд советских писателей, в работе которого принял участие М. Лихачев и стал членом Союза писателей СССР, а кроме него, – А. Зубов и Н. Попов. Они явились первыми писателями-профессионалами Прикамья (в Перми первым членом Союза писателей стал Б. Михайлов в 1935 году).

Та писательская кучка могла стать самостоятельной писательской организацией, но это, по-видимому, было невыгодно свердловчанам, и коми-пермяцкие писатели вошли в общую писательскую организацию Урала.

В 1936 году стихи коми-пермяцких поэтов в переводе на русский язык И. Молчанова были опубликованы в Москве. Это было первое знакомство русского читателя с поэзией представителей малоизвестного коми-пермяцкого народа. А Иван Никанорович переводил наших поэтов и в 60-е годы прошлого века.

Репрессии тридцатых годов прервали взлет коми-пермяцкой литературы, особенно прозы и драматургии. Не будь этой роковой напасти, в Кудымкаре наверняка бы появилась полнокровная писательская организация, а на полках книжных магазинов еще до Великой Отечественной войны лежали бы новые повести и романы местных авторов.

В числе первых из круга коми-пермяцких литераторов был арестован директор издательства С. Зубов. Это произошло в ноябре 1934 года. С. Зубов, опекавший пишущую братию, был в приятельских отношениях, как и С. Караваев, с будущим знаменитым разведчиком Н. Кузнецовым, который, оказалось, был тайным агентом окружного ОГПУ, в архивах которого имеются его донесения на безвинных людей. Возможно, на удочку сексота каким-то образом попался и С. Зубов. Правда, Н. Кузнецов уехал из Кудымкара раньше. Я не знаю, повинен ли в этом случае наш сексот, а Ф. Тараканова, как выявили исследования пермских журналистов, изобличил как врага народа – руководителя одной антигосударственной организации, Н. Кузнецов, хотя Федор Гаврилович был приговорен к лишению свободы лишь спустя три года поле ареста С. Зубова.

Аресты и публичные обвинения во враждебной деятельности А. Зубова и М. Лихачева вспугнули некоторых молодых литераторов, и они отложили свои перья в сторону: кому нужна такая участь, какая постигла их старших коллег?

В. Старцев, стихи которого мы заучивали в школе, однажды признался в этом сам: «В середине тридцатых годов я уже серьезно занимался стихотворчеством. В одном стихотворении у меня были такие строки: «И, может, көркө лоа жö учöтик, но поэт...» (И, может, когда-то стану, хотя маленьким, но поэтом.) А сам-то мечтал стать большим, таким, как мой земляк и учитель А. Зубов. А когда А. Зубова арестовали, и Н. Попов назвал его врагом народа в газетной статье, моя сестра

Татьяна, учительница, спросила у меня: «Витя, ты уверен, что тебя не назовут врагом?» Нет я не был уверен в этом...» Возможно, совет Татьяны сыграл немаловажную роль в дальнейшей жизни В. Старцева в том плане, что он в любом деле всегда был осмотрительным – и будучи журналистом, и директором краеведческого музея, и уполномоченным Окрлита (цензором). Осторожным, но не боязливым солдатом был на фронте. Вернувшись на гражданку, о рифмах уже не вспоминал.

Репрессии, видимо, насторожили и других начинающих поэтов: в округе их было немало. Только в кружке М. Лихачева при Кудымкарском педучилище занимались около десяти юношей и девушек, а свои произведения публиковали лишь В. Старцев, А. Аникин, Н. Ярков, И. Гагарин, М. Вавилин, Н. Савельев.

Двадцатая годовщина Великой Октябрьской революции стала печально знаменитой датой в развитии коми-пермяцкой литературы. Были жестоко срублены уже плодоносные ветви большой прозы и созревшей драматургии. Урожайная нива этих жанров превратилась в шутём на долгие годы.

Но как бы то ни было, литературный Кудымкар не замолк. По-прежнему в газете появлялись стихи Н. Попова и С. Караваева, устраивались встречи с читающей публикой, обсуждались редко появлявшиеся рукописи писателей. За деятельностью писателей зорко следило недремлющее око окружкома партии и цензуры, через которую проходило все, что готовилось к печати. Не поощрялось инакомыслие, вольнодумство, критика партии и правительства. Безыдейными считались произведения, в которых не виделось руководство партии, ее направляющая и животворящая роль. Писатели, конечно, старались быть на худой конец лояльными. А аполитичный и антиполитичный люд творил, не глядя на цензуру. В Пешнигорте, например, отчаянные девушки распевали под гармошку частушки такого рода при всем честном народе:

Мой миленочек – партеец,
Носит телогрейку.

А парни-охламоны, выхваляясь перед нами, несмышленищами, рывкали во все горло:

Мы строгаи ГПУ
В черной бане на полу
И еще строгать могли,
Да мало шанег напекли...

Литературная группа в Кудымкаре в этот период была малочисленная, но довольно деятельная. Руководил ею Н. Попов, тихий и добродушный, деловой и исполнительный индивидуум. Если бы он был рядовым литератором, а не руководителем группы, то вряд ли стал бы клеймить позором «врагов народа» – А. Зубова и М. Лихачева публично. Нужда, так сказать, заставила, и он, скрепя сердце, произнес худое слово о братьях. А позже в соавторстве с С. Караваевым написал известное в ту пору всякому грамотному «Письмо товарищу Сталину» в стихах. Правда, это произошло по просьбе окружкома партии. В письме была выражена сердечная благодарность коми-пермяков вождю народов за их счастливую жизнь.

В поэзии тех лет главными были темы: партия, Сталин, Родина, Советы, Красная Армия. Н. Попов рассказывал, как однажды, придя на встречу со школьниками, директор вначале доложил ему, сколько учащихся имеют оборонные значки: ГТО (готов к труду и обороне), ГСО (готов к санитарной обороне), ПВХО (противовоздушная и химическая оборона), ВС (Ворошиловский стрелок). Возможно, та встреча и подсказала сюжетик частушки:

Гижа, гижа ме письмо
Ворошилов Климлõ:
Кужа лыйсьыны бура,
Метока ме имна.

Я пишу, пишу письмо
Климу Ворошилову:
Я стреляю хорошо,
Попадаю метко.

В июне 1941 года грянула война, и наши поэты были мобилизованы в армию. Литературная группа в Кудымкаре распалась. С газетных полос исчезли стихи на коми-пермяцком. Оправдалась суть афоризма: «Когда стреляют пушки, Музы молчат». Но, к счастью коми-пермяцкой литературы, «Музы молчали» недолго. Уже в конце сорок первого окружная газета стала помещать фронтовые стихи Н. Попова и И. Гагарина. Тогда же была попытка организовать кружок при Кудымкарском учительском институте, но стихи и рассказы литкружковцев дальше стенгазет не пошли, и кружковцы под руководством преподавателей Т. В. Сторожева и А. М. Споровой занялись сбором фольклора.

Чтобы поддерживать процесс литературного развития и выявлять новые таланты, окружкомы партии и комсомола иногда объявляли конкурсы на лучшие произведения на коми-пермяцком и русском языках, но преданных душой литературе в те годы не было выявлено.

В 1946 году из армии демобилизовались фронтовики Н. Попов, С. Караваев, М. Вавилин. Они восстановили творческие связи с пермскими писателями, и вскоре в Кудымкаре было организовано литературное объединение, руководителем которого стал Н. Попов. Ядро объединения составили писатели-фронтовики, а также журналисты И. Шадрин, В. Старцев, П. Златин. Кроме них, как и прежде, с писателями сотрудничали работники издательства.

Мы мало знаем, как строилась работа литобъединения в ту пору, но известно, что писатели встречались с учащимися общеобразовательных школ, выступали в училищах и техникумах и, конечно, собирались вместе, чтобы обсуждать свои произведения и планировать дальнейшую работу. Встречи, как правило, приурочивались к юбилейным датам округа и страны. Праздничные номера газет давали подборки и отдельные стихотворения, иногда очерки местных авторов, некоторые переводы с русского языка. Очень редко публиковались стихи для детей, не было рассказов для них.

В 1949 году силами литературного объединения был подготовлен и издан сборник рассказов, очерков и стихотворений «Миян крайын» (В нашем краю), но он, можно сказать, был лишь пробным броском в дальнейший марш литературного развития. Это была первая книга, в которой появились новые имена: М. Вавилин, И. Минин, В. Канюков, И. Шадрин.

Через три года вышла книга рассказов и очерков И. Шадрина «Зеленое золото». Заговорила большая проза, молчавшая полтора десятилетия. Был сделан очень важный и нужный шаг, давший сигнал для наступления молодых прозаиков.

Очередной сборник с рассказами, очерками, стихами и пьесой вышел в свет в 1954 году («Миян луннэзõ» – В наши дни). В нем значилось уже 18 авторов, вдвое больше, чем в предыдущем. Среди новых имен – Н. Бормотов (пьеса), Г. Конин, П. Караваев, В. Светлаков, Я. Швецов, Н. Батуев (стихи). Сборник был адресован взрослым и детям. В появлении этих книг большая заслуга, пожалуй, принадлежала издательству: оно планировало, создавало редколлегию и назначало ответственного за выпуск, как правило, партийного активиста, не обязательно писателя. За сборник «В наши дни» отвечал С. Можаяев.

В издательство, где располагался Н. Попов, лидер литераторов, иногда наведывались окружкомовцы: завотделом пропаганды и агитации М. П. Пономарев, а

иной раз и сам И. М. Тотмянин, первый секретарь окружкома партии. Этому общению способствовало то обстоятельство, что отделы партийных и советских органов находились в одном помещении.

Известно, что творческому росту писателя способствует близкое окружение, единомышленники, дружеские советы профессионалов, критика. Такой влиятельной средой для коми-пермяцкого писателя в тот период опять же стало литературное объединение, входившее в состав областного отделения Союза писателей СССР. Оно всегда помогало в подготовке рукописей к изданию: обсуждало их, рецензировало и рекомендовало издателям. Объединение работало на общественных началах и принципах. Руководило им бюро, которое выбирало председателя. Таковым в пятидесятые годы прошлого века длительное время был Н. Попов. Правда, говорят, однажды выбирали С. Караваева, но он якобы не оправдал доверия товарищей и был переизбран, а еще – наказан: окружком партии запретил издавать его книги, публиковаться в газетах, выступать публично со своими произведениями. Это, видимо, произошло в середине 1950-х годов, когда первым секретарем окружного комитета партии был И. М. Тотмянин, а секретарем по идеологии – Е. Е. Томили-на. Отлучение писателя от общества заставило его работать лишь от скуки или писать «в стол». А в большой обиде на партийное начальство была жена поэта М. П. Караваева. Она злилась на Н. Попова, который, дескать, наушничал и тем самым сильно компрометировал собрата. Она ссылается на такой пример. Однажды якобы на встрече с городскими читателями в кинотеатре «Пролетарий» спросили Н. Попова, почему С. Караваев перестал печататься и когда будет. На это, по признанию Марии Петровны, Н. Попов ответил так: «С. Караваев повел себя аморально, и ему печататься не дозволено. Когда разрешат, неизвестно. И разрешат ли вообще...»

Я помню тот период караваевского молчания, и за случившийся казус, мне кажется, больше переживала именно Мария Петровна. И это естественно: ведь жена писателя – больше, чем жена: она – незаменимая опора и надежда, подчастую – само вдохновение. Степан Иванович говорил, что ему жена помогала даже подыскивать нужную или более подходящую рифму, подсказывала темы, обращала внимание автора на идейную сторону произведения.

По-своему помогала Н. Попову его супруга Н. А. Спорова, начитанная, острая на язык и не с поэтической, а редакторской душой человек. Она беспощадно критиковала мужа и дома, и на обсуждениях. Но муж редко соглашался с ее оценками и не потакал полемике. Но оба были большими книголюбями и никогда не пропускали премьер кинофильмов.

И. Минину его жена Антонида Степановна заново перепечатывала рукописи после авторской правки, была верным консультантом в области «женских» вопросов, исправляла грамматические недочеты. Среднее образование Иван Алексеевич получил уже в зрелом возрасте – в вечерней школе (я сидел с ним за одной партой, вместе «плавали» на экзаменах). Позже он много читал, наверстывая упущенное. «Довоспитала» его Пермская высшая партийная школа, после окончания которой он почти двадцать лет возглавлял коллектив окружного радио.

В. Боталов (псевдоним – В. Баталов) десятилетку кончал также после службы в армии, но в дневное время. В отличие от И. Минина, он читал очень мало. Этим, как он объяснял, ограждал свое оригинальное художественное «я» от чуждого его духу влияния. Зато любил погулять с ружьем и посидеть на берегу реки с удочкой. Жена Тамара Георгиевна потакала увлечениям мужа, а в погожие летние дни иногда ходила с ним на рыбалку. И, конечно же, создавала хорошую домашнюю обстановку для творческой работы мужа...

Меня в литобъединение зачислили в 1956 году, когда я был студентом Кудымкарского учительского института (его в том же году закрыли, нас перевели в педучилище). Это произошло после первых публикаций моих стихов в окружной газете.

В педучилище функционировал литкружок, занимался с нами М. Вавилин. Он, выпускник Литературного института им. А. М. Горького, прекрасно владел теорией литературы и строил беседы доходчиво и увлекательно. Все кружковцы оказались стихотворцами и, разбирая стихи, мы много говорили о поэзии и ее особенностях, о навыках писательства, о мастерстве русских и зарубежных классиков. И сетовали вместе с руководителем на ограниченные возможности передачи своих «возвышенных» чувств посредством коми-пермяцкого «малословного» языка. Но такие обидные для языка выводы были весьма наивными, так как настоящей поэзии все языки покорны. Если у поэта есть прилежание к высокому стилю словесности, то такого автора родной язык, даже со скромным запасом лексики, не обидит, не поведет, не уменьшит его талантливости.

Кружок посещали А. Овчинникова (мать композитора В. Куликова), А. Отинова, В. Светлаков, Ю. Четин и другие коми-пермяки, а также пишущие на русском Л. Стародубцева, А. Андреев, А. Петухов, К. Бердичевский. Для приобретения практических навыков в сочинительстве и разнообразия занятий наш руководитель вводил домашние задания, например, такого рода: русским авторам перевести стихи коми-пермяков на русский и наоборот. После разбора работ на занятиях некоторые стихотворения публиковались в газете, использовались в радиопередачах. Лучшие из них рекомендовались издательству для включения в сборники. В 1959 году стихотворения кружковцев были изданы отдельной книжкой под названием «Петас-сэз» (Всходы).

В начале года нас, кружковцев, пригласили на собрание литобъединения, когда обсуждалась только что вышедшая из печати книга для детей «Озьягёдок» (Земляничка). С информацией о сборнике выступил М. Вавилин, собравший для него материал. Он хорошо отзывался о новинке, считая, что она имеет особую значимость как первый национальный сборник. Но рецензенты З. В. Распопова и Г. А. Калина, преподаватели педучилища, издание назвали неудачным. Очень слабым в художественном отношении они назвали рассказ «Озьягёдок» М. Лихачева – рыхлым по композиции, мелкотемным, многословным, не вызывающим должного интереса у детей. Досталось и другим авторам: стихи М. Вавилина и И. Минина были отнесены к вредным, потому что их герои беспощадно уничтожают зверей даже летом, не считаясь с законами и охотничьими обычаями. Серьезные претензии были предъявлены и художнику А. Горкунову. Директор издательства А. Т. Мошегова согласилась с этим, но оправдывалась тем, что в округе лучших художников нет. И то была правда.

Издатели, помнится, согласились и с другими упреками, направленными на улучшение качества изданий. Было указано на промашки редакторов и цензуры, на что С. Можаяев ответил примерно так: «Будем надеяться, что подобное больше не повторится... Учтем...» Здесь это обещание было обычной дежурной фразой, но на самом деле, будучи уполномоченным по охране гостайн в литературе, свои обязанности, видимо, выполнял исправно, как и его последователи Г. Конин и В. Боталов. На себе испытывал: приходилось выбрасывать из текста отдельные строки и куски, даже целые произведения.

В становлении коми-пермяцкой литературы, я думаю, особое место занимал период от середины пятидесятых до середины шестидесятых годов XX века. В-первых, в эту пору произошло заметное пополнение рядов литобъединения: в его

работу активно включились С. Можаев, Н. Бормотов, деятельность которых была связана с драмтеатром и драматургией, а также Л. Нилогов, опытный партийный и государственный чиновник, и журналист, бывший фронтовик И. Шадрин. Таким образом, в организации литераторов образовалось стойкое идейное ядро, закаленное в бою и труде, вооруженное нержавеющей перьями. Оно в основном и вырабатывало всю стратегию и тактику литполка, руководствуясь указаниями свыше и новыми требованиями времени. Кроме того, с нами сотрудничали русские писатели: А. Баяндин, Э. Касперович, А. Ничиперович и другие.

Во-вторых, после осуждения культа личности Сталина и начала реабилитации репрессированных, наступило некоторое цензурное послабление, литераторы получили большую свободу в своих действиях.

В-третьих, местные власти стали целенаправленно содействовать литературному объединению и его членам как носителям и хранителям национальной культуры, как создателям новых духовных и материальных ценностей. Все это дало благоприятную почву для роста нового поколения пишущих, для возрождения прозы и драматургии. Наряду с этими жанрами появилась и литературная критика, что, как известно, очень важно для молодой литературы.

В начале 1960-х нас опекали первые секретари окружкома партии И. М. Тотьмянин и П. П. Самков, но больше всего – Е. Е. Томилина и Н. С. Бушуев – секретари по идеологии.

Наши старшие товарищи, возможно, еще не вполне осознавая, что происходит, покровительствовали молодым. Конечно, были разногласия, споры, но в пределах приличия, потому что все мы «поклонялись» одному божеству – нашей родной литературе, а единоверцы – одна братия.

Группу молодых составили И. Минин, В. Боталов, В. Светлаков и другие.

В начале 1958 года литобъединение обсудило творчество И. Шадрина, В. Боталова, В. Исаева. Это мероприятие мне запомнилось как показательное занятие, как диалог двух сторон, равно заинтересованных в решении одной важной задачи-проблемы, но с разных подходов, иногда с принципиально полярными оценками. Помнится, И. Минин объективно оценил рассказы И. Шадрина и В. Боталова, указав на какие-то мелкие упущения, и похвалил В. Исаева за поднятую им тему о природе, что очень кстати было для детской литературы. В то же время было немало отрицательных оценок относительно ряда рассказов, которые не удовлетворяли рецензентов Р. В. Гусеву и издательских работников.

Говорили долго: что-то ругали, кого-то хвалили и сошлись на мнении, что коми-пермяцкая литература вновь обретает прозу, о необходимости которой говорилось в течение многих лет. Такие собрания были добрыми уроками для творческого прогресса писателя, его психологической направленности. Выходило, что мы немножко исследовали и литературный процесс, и психологию личности пишущего.

В том же году окружком партии и окрсовет решили провести в 1959 году смотр коми-пермяцкой литературы и искусства в Перми. Мероприятия намечались важные, и местные писатели совместно с пермскими составили план подготовки и проведения смотра.

Чтобы показать пермякам нашу литературу, надо было перевести ее на русский язык. Этим в первую очередь и было обеспокоено литобъединение и писательская организация. Переводить согласились пермские и московские писатели. В Кудымкар приехали В. Черненко, ответственный секретарь областной писательской организации, поэт В. Радкевич, прозаик В. Астафьев. Они сразу же взялись за наши под-

строчники, из которых кое-что было отправлено в Москву поэтам И. Молчанову и Н. Старшинову.

...На дворе трещал мороз, а в номерах старого деревянного Дома крестьянина было тепло не только от печей-голландок, но и от дружного труда местных авторов и гостей.

Работа представлялась серьезной и ответственной: через пару недель готовая литпродукция должна была лечь на стол редактора в Перми. Поэтому старались все, прихватывая ночное время, так как все, кроме С. Караваева, были штатными работниками в какой-либо организации.

В поте лица, как говорится, работали В. Черненко и М. Вавилин, переводя на русский язык повесть М. Лихачева «Мой сын», которая после издания стала называться «Мирош – мирской сын». М. Вавилин грипповал, но работу не бросил. Он читал про себя коми-пермяцкий текст и вслух произносил слова по-русски. Напарник, хлебнув из стакана чаек или еще что-либо, с помощью портативной пишущей машинки фиксировал текст на бумаге. Таким образом, дружной творческой работой, свою рукопись они сделали почти за неделю.

Я предложил для перевода рассказ «Счастье понда» (Ради счастья). Утром отнес его Н. Попову, он передал В. Астафьеву. Раньше я с ним не встречался, но знал, что он фронтовик, общителен и любит побалагурить. Вечером он пригласил меня в гостиницу, без лишних слов, как со старым знакомым, поздоровался, спросил:

– Чай будешь?..

Я отказался: зачем утруждать такого занятого и почтенного человека мелочами?

Поговорив о рассказе, уже переведенном, В. Астафьев попросил принести еще что-нибудь, желательно, дескать, с драматическим сюжетом.

Через денек я принес ему подстрочник другого рассказа – «Жугдём крест» (Сломанный крест). Он тут же перелистал принесенное и сказал:

– Считаю, что он уже в книге.

Оба эти рассказа вошли в книгу «Зори над Иньвой», изданной к Дням смотра в Перми. Она была составлена из произведений более десяти коми-пермяцких прозаиков и поэтов.

Днем 15 июня 1959 года после обильных дождей караван автобусов и легковых машин с участниками смотра достиг д. Кузьмино Карагайского района и застрял в ухабах: Менделеевский тракт на этом участке был не проезжим. Но вскоре появился гусеничный трактор и перетащил наш машинный обоз на другую сторону ложбины, и через час мы, ведомые секретарем окружкома партии Е. Е. Томилиной, дружно устроились на перроне станции Менделеево.

Пермь нас встретила приветственными полотнищами, букетами цветов, бравой музыкой. На привокзальной площади состоялся короткий митинг, хозяева поздравили гостей с их праздником. С ответным словом выступила артистка нашего драмтеатра А. Г. Котельникова.

На другой день в областной писательской организации состоялось обсуждение книги «Зори над Иньвой», после чего нас распределили по объектам для встречи с читателями.

Наша пермяцкая писательская бригада жила в одном большом номере гостиницы на берегу Камы, а опекали нас С. А. Можаяев и Е. Е. Томилина. В течение двух дней мы встречались с пермяками в театрах, в учебных заведениях, во дворцах культуры и клубах, с сотрудниками библиотеки имени Пушкина, с артистами

драмтеатра, которые инсценировали и показали в программе Пермского телевидения мой рассказ «Хлеб и кровь».

Среди нас в лаврах славы ходили С. Можаяев, чью драму «Кымёра тулыс» (Пасмурная весна) показали наши артисты в драмтеатре Перми, и И. Минин, поэму которого «Так сказал Ленин» В. Радкевич, переводчик, продекламировал со сцены театра оперы и балета. Позже она была опубликована и в каком-то московском сборнике, после чего автор и переводчик заявили, что она их еще хорошо покормит, потому что поэма сделана, мол, на основе истинно народной легенды. В действительности же это было авторское произведение. Тогда была в моде Лениниана, и И. Минин с удовольствием и умело подал эту поэму литературному миру на десерт. Да и кто тогда мог чураться этой темы?

Вспоминается забавный случай, происшедший в последний день смотра, когда мы в своем просторном номере вечером устроили банкет. Он получился настолько веселым, что Л. Нилогову захотелось попеть, да не как-нибудь, а по-итальянски. И вот он заливается соловьем, а мы слушаем, разинув рты. Тут заходит Е. Е. Томилиная. Певец смолк и проглотил первую горькую пилюлю упреков от нашей партийной опекуны, оставившей нас в покое через минуту. Но больше всего нас изумило то, что Леонид Егорович, оказывается, только имитировал пение, поскольку по-итальянски не знал ни слова...

Всякий коллектив бывает озабочен тем, чтобы подготовить себе достойную смену. И вряд ли можно верить слухам, что Н. Попов и С. Караваев всюю препятствовали начинающим в их литературной карьере. Они якобы пытались создать общественное мнение о том, что коми-пермякам больше двух поэтов не нужно. Разумеется, эти двое – они сами. Еще судачили, будто С. Караваев называл себя коми-пермяцким Пушкиным.

Прием «не пущать» в литературу других не нов, он в какой-то степени и сегодня жив. Я же видел в то время другое: молодых не гнали, а приближали. Доказательство тому – воспитанники Н. Попова: М. Вавилин и И. Минин, достигшие в своем творчестве значительных высот. Слухи подобного рода не беспочвенны, но в их основе лежит не прихоть старших, не какая-то корысть, а защита литературы от халтурщины, от художественно слабых произведений. Тот, кто еще не «дорос» или из-за принципа не хотел принимать существующие нормы, на его пути вставал рецензент, редактор, цензура. Забегая вперед, скажу, что подобные акты случались и в моей практике редакторства в издательстве. В одно время творили три Николая Хозяшевых, прозаик и два поэта. Бывший фронтовик Н. В. Хозяшев опубликовал несколько стихотворений и пару рассказов, пока придерживался общепринятых литературных и грамматических норм, а когда в его вещах появилась, как тогда говорилось, безыдейность и фактические неточности, ему указали на эти изъяны, и он, обидевшись, перестал писать.

Юный Н. Хозяшев, неплохо начавший творить в поэзии, закапризничал, не стал считаться с решениями литобъединения, не принимал советы и замечания старших товарищей. По этой и другим причинам он покинул Парму (уехал, кажется, в Свердловскую область, на родину жены. Его можно считать нашим первым и последним диссидентом.)

Как писатели, эти Хозяшевы рано ушли из жизни: Николай Васильевич – состарившись и заболев, а второй, еще совсем молодой, погиб, говорят, трагически. Он был парнем рискованным. Однажды, во время семинаров в Перми, я всю ночь его караулил в гостинице, чтобы не совершил глупостей по пьянке. А все началось с

того, что захотелось парню выпить. Денег не оказалось, и перед самым концом рабочего дня он пошел к Олегу Селянкину, ответственному секретарю областной писательской организации, и взял займы 25 рублей. Затем пошел в ресторан, хорошо расслабился, где-то еще погулял и в гостиницу вернулся поздним вечером. Его остановил вахтер, внушил ему, что так вести себя молодому человеку не полагается. Он пришел ко мне в номер расстроенный, возбужденный. Успокоил, как мог, уложил спать. Не засыпал долго: взбрело ему в голову, что наша жизнь никчемна, и собирался прыгать с окна на асфальт...

Третий, Н. Е. Хозяшев, не один год публиковал стихи в окружной газете, в литстранице. В ней, как правило, печатались молодые. Страницу делал я, и все материалы посылались в мой адрес. Этого автора я однажды посчитал уже не новичком в поэзии и предложил ему посылать стихи непосредственно в газету. С тех пор он перестал публиковаться...

Бог, говорят, троицу любит, и в нашей литературе в те поры была еще и другая троица однофамильцев: С. Караваев, Н. Караваев и П. Караваев. А позже – третья...

В декабре 1958 или январе 1959 года учителя написали в издательство письмо, в котором просили издать коми-пермяцкие народные сказки, предания и песни. Издательские работники пошли к писателям с просьбой обсудить этот важный вопрос сообща. И решили: такую книгу надо сделать. А за основу можно взять ранее изданные материалы и основательно пополнить новыми, которые будут собраны писателями и фольклористами. С этим все согласились. С. Караваев изъявил желание съездить даже на север Гайнского района, где, по его словам, чуть ли не каждый старик – сказитель. Тут же попросили его стать составителем будущего фольклорного сборника, и он тоже согласился. Но когда настали сроки собрать все собранное воедино, стало ясно, что такой книги не будет: у С. Караваева оказалась одна сказка, а другие и не думали о записях. Устроили новое собрание и решили издать, что есть. Поскольку в моем портфеле было несколько сказок и песен, составительство сборника поручили мне. Л. Нилюгов, воспитанный в лучших традициях советской морали, убедил меня в том, что если коллектив поручает такое ответственное дело, то я не имею никакого права отказываться от него. Да и сам я, имевший восьмилетнюю солдатскую закалку, это предложение принял как приказ, но с условием, если дадут опытного соавтора. Было боязно: с подобным делом никогда не сталкивался, а сроки жесткие.

Соавтором согласилась быть А. Т. Мошегова, но когда подошло время окончательной компановки рукописи, она отказалась от партнерства, заявив, что книга получится и без ее участия...

Сборник вышел в 1960 году под сугубо научным названием: «Коми-пермяцкой народной устно-поэтической творчество». Такое название издательству предложила кандидат филологических наук М. Н. Ожегова, которая рецензировала рукопись и снабдила издание (в соавторстве с канд. фил. наук А. Микушевым) вступительной статьей.

В том же году часть сказок я перевел на русский язык, и они были изданы в Перми («Ошпель – медвежье ухо»). Тогда же вышел и мой первый сборник с рассказами «Чайдём ув» (Отщепенец).

Не менее усердно, видимо, трудились и мои коллеги-ровесники, которых, как и меня, иногда подбадривало и поправляло литобъединение.

Как было уже сказано, уполномоченным, так сказать, от партии в нашем коллективе был С. Можаев, самый старый по возрасту и самый молодой по творческой работе. Он являлся вторым руководителем литераторов – идейным. А к руко-

водству, как иногда рассказывал сам, он пристраивался с юных лет, будучи вожаком молодежи в комсомоле, всегда проявлял стойкость и решительность. Однажды, во время организации какого-то колхоза в Гайнском районе, пришлось ему успокоить саботажников колхозного дела с помощью револьвера – постучал рукояткой оружия по столу... Умел руководить людьми, но не ладились семейные дела: трижды женился, детей не имел и скончался на чужбине, на родине последней жены – Галины Никитичны, в Ленинграде. Иногда звонил в издательство Л. П. Ратеговой, чтобы сказать несколько слов по-пермяцки, а услышав ответ, плакал – тоска по родине выжимала стариковскую слезу. А жена в его ностальгию не верила...

Реальную помощь в решении наших социальных проблем оказывал Л. Е. Нилогов, долгое время служивший на посту зам. председателя окрисполкома. Он помог получить квартиры в Кудымкаре С. Караваеву, И. Минину, М. Вавилину, был бескорыстным защитником многих наших интересов. Такими же доброжелательными людьми в отношении творческих людей были первые руководители округа В. Ф. Бушуев, И. К. Баяндин да и многие другие работники окружного партийного и советского аппарата. За такую заботу о нас, естественно, мы старались отвечать должным образом: то стихи напишем для «украшения» чьего-либо доклада, то публично поддержим инициативу, воспоем почин передового лесоруба, животновода, учителя.

Конечно, мы были очень разными по характеру, и по знанию жизни, и по увлечениям, не говоря уже о стиле работы служебной и творческой. Мы огрызались, когда нас поучали, как надо жить, с кем дружить, с кем не водиться. Мы негодовали, что у нас нет своего угла, в котором проводились бы семинары, собрания, занятия литературного кружка, встречи с приезжими коллегами. Кое-кто из нас хотел бы иметь свой стол в отдельном кабинете, о чем, помнится, помышляли даже начинающие литераторы. Но известно же: не место красит человека, тем более – писателя. Мягкое кресло, золотое перо да гербовая бумага не сделают тебя поэтом или драматургом, если нет у тебя необходимых для этого предпосылок, нет прилежания, кроме отдельных порывов. Даже при наличии таланта не все сразу получается. И таланту, особенно детскому, нужно должное воспитание, какие-то напутствия и советы.

Я однажды начинал вести занятия в школьном литкружке с учащимися младших классов. Они хорошо учились, любили стихи и очень хотели стать поэтами. Одну девочку из семьи военнослужащего даже возили на машине, но она так и не написала ни одного четверостишия. А вот десятилетием раньше, видимо, в 1956 году, в литературно-творческом кружке под началом М. Вавилина появился паренек, кажется, шестиклассник, Костя Бердичевский, и сразу же показал свои творческие способности, о чем я уже говорил выше. Занимался он не так долго (его родители уехали из Кудымкара), но многое освоил из того, что ему преподавали. Возможно, его карьера поэта и философа, ныне Константина Александровича Кедрова, началась именно в Кудымкаре, хотя в одном газетном интервью отмечал, что наш город ему запомнился в основном своей липкой грязью. Его талант и еврейская настырность в достижении поставленной цели сделали то, чего он добивался...

В свои сорок лет я, наверное, еще не знал блоковских строк: «...И вечный бой. Покой нам только снится», но, видимо, от творчества в те годы покоя у меня уже не было. Те строки, думается, относятся к каждой творческой личности, так как творчество – тихий, интимный бой художника с самим собой. Он бьется, как рыба об лед, над темой, над персонажами, над словом, формой произведения. Я когда-то

пытался рисовать акварельными красками, тоже немало бился над этюдами, но живописца из меня не получилось. Да и решил, что поэзия достается легче, да еще дешевле – как одноному костюм: «сапогов немного надо, и портяночка одна», то есть поэту необходимо иметь лишь карандаш да бумажку... Для зачина, так сказать.

Жизнь, как известно, это – постоянный труд, постоянная борьба. Борьба за лучшее место, кусок пожирнее, за рубль подлинней, борьба за идеалы. Все это я понял, видимо, в шестидесятые годы и на литературное творчество стал смотреть как на очень важное и честное дело: ведь не зря же сказано: что посеешь, то и пожнешь. А пожинать, известно, каждому хочется только хорошее да побольше.

Вспоминается разговор с композитором Н. В. Пахоруковым. В какое-то время он посещал наши литературные сходки, мечтал о собственной книге стихов. С изданием не получилось: то ли рецензенты рукопись «зарезали», то ли издательство (он, физик по образованию, лирику по молодости не дооценивал, над словом и стилем не засиживался). И стал писать музыку: сначала на слова других поэтов, а потом и на свои. Его песни стали петь и публиковать через Дом народного творчества листовками. «Хоть бы один сборник издать, – возмечтал он. Собрать изданное воедино. И хватит». Я в ответ: «Издашь один – захочется второй иметь». «Да нет нет!..» А спустя годы, даря мне свою книгу, сказал: «Ты был прав: вот уже шестая отпечатана...» Я ему: «Это хорошо, что нашел свою колею. Только бы больше работать над словом...» На это он ответил примерно так: «В песне самое главное – музыка, мелодия, а слова – второстепенное».

Хорошая музыка, наверное, и покрывает некоторые изъяны словесности, но все же надо стремиться к гармонии слова и аккорда. Он много работал и, судя по его высказываниям, все давалось ему легко. А что и сколько будет петься-читаться, так, как говорят коми-пермяки, «овсяс-кывсяс» (поживется-увидится).

С середины 1950-х годов на нашу литературу более пристально «взглянули» работники народного образования, ученые-филологи. Писателей стали приглашать на разного рода мероприятия, связанные с вопросами развития языка и литературы, на учительские конференции. Наши произведения чаще стали печататься в местных газетах, транслироваться по радио. А в 1961 году состоялась конференция, на которой обсуждались учебно-педагогическая для национальных школ и используемая в учебниках художественная литература. С докладами выступали ученые из Перми, Сыктывкара, Москвы, работники окружного института усовершенствования учителей, преподаватели. Мне пришлось по душе доклад методиста института Т. З. Кривошековой о языке художественных произведений коми-пермяцких писателей. Она разбирала наши недостатки, указывала языковые и стилистические погрешности, что для нашего брата явилось хорошим уроком. И я, возможно, впервые спросил тогда самого себя: а вполне ли я подготовлен к тому, чем занимаюсь уже не понарошку? Разумеется, к такому ответственному делу я был готов больше морально и интуитивно – совсем немного практических навыков и чуток теоретических знаний. И стал перечитывать школьные книги по русской литературе, занялся самообразованием.

В начале 1960-х годов, с приходом в литературу Т. Фадеева и С. Федосеева произошло некоторое преобразование и в коллективе пишущих, и в литературе, но оно было не очень радостным. Положительным фактором явилось то, что наша литература стала разнообразней по тематике и стилям, появилась критика, которую так страстно жаждал видеть М. Вавилин, заменивший Н. Попова на посту старшего редактора в издательстве, но в то же время в штывки приняли критику некоторые писатели. А началось все с очень благих намерений...

На одном из собраний литобъединения М. Вавилин призвал своих коллег заняться анализом творчества собратьев и вскрыть причины недостатков, на которые указывали читатели. Вскоре критические статьи писателей появились в газетах и в литературно-художественных сборниках. Среди них более квалифицированным был отзыв В. Светлакова о книге И. Минина «Чөвпан мыс дынын» (У Челпан-горы). Его статья «Деревня йыллы повесть» (Повесть о деревне) была напечатана в сборнике «Гора му» (Звонкая земля, 1963 г.). Ею, пожалуй, были довольны все, кроме автора повести. Вроде бы рецензия получилась и объективная, а И. Минин обиделся.

Но светлаковская критическая пилюля для И. Минина была еще не такой горькой, как отзыв Т. Фадеева для В. Боталова о его рассказе «Туйын» (В дороге), опубликованном в сборнике «Иньва» в 1964 году.

Казалось бы, что сделано все, как положено, но замечания критика автор рассказа принял с огорчением. Словом, нашла коса на камень. И в литобъединении сложилась такая ситуация: одни (пострадавшие) статью бранили, а другие (заказавшие) радовались. Третьи же (лояльные), помалкивали, ухмыляясь. Они хорошо помнили поговорку о том, что молчание – золото.

Домашние критики пришлось не ко двору коми-пермяцкой литературе. А ведь Т. Фадеев не имел злого умысла, все было сделано по-человечески, точнее – по-фадеевски дотошно и честно, не кривя душой. Но, как видим, честность и правда одних – не всегда благо для других.

Неужто критику необходимо лавировать между правдой и кривдой? Или проблему решает простая сноровка – золотая середка? Конечно же, – нет.

Изменился ли Т. Фадеев позже? Думаю, что не очень, потому что характер человека с возрастом не меняется, особенно такой категоричный и непреклонный, как фадеевский.

Помнится, он и непосредственному начальнику своему по службе однажды заявил, что тот уклоняется от своих прямых обязанностей и превышает свою власть, за что и был уволен с работы. А в литобъединении Т. Фадеев был одним из самых активных участников всех проводимых мероприятий.

В жизни литобъединения курьезных случаев было немало. Помнится и такой.

Издательство попросило В. Светлакова отрецензировать рукопись со стихами М. Вавилина. Рецензент, юрист по образованию, но с поэтической душой, о работе своего земляка отозвался с неодобрением, хотя рукопись редсоветом издательства была оценена положительно. Тогда заказали вторую рецензию, да и она оказалась отрицательной, то есть требовалась авторская доработка. Но автор принципиально не стал дорабатывать свои стихи, заявив, что рецензент вовсе не компетентен в таких делах.

Я не видел той рецензии и не могу сказать о ее сути. Ее, кажется, обсуждали и на партийном комитете, но мне, беспартийному, о выводах обсуждения также ничего не сообщили. После такой процедуры на В. Светлакова стали смотреть косо наши старшие товарищи по перу и некоторые сотрудники партаппарата.

В 1970-х годах Владимир Петрович, уже живя в г. Майкопе, снова пытался наладить связи с литобъединением и окружной газетой, но тщетно: его неплохие стихи и толковые статьи остались без внимания газеты, от имени которой автору отказала ответственный секретарь А. Долдина, член нашего литобъединения... Вот нам еще одно подтверждение, что жизнь – это борьба.

В этой борьбе иногда встречаются запрещенные приемы, используемые сильной, но неправой стороной.

Здесь мне могут возразить, вспомнив слова П. Вяземского о том, что «Если ты хочешь исправлять, так будь исправным сам...» На мой взгляд, наш критик был «исправен»: он хорошо разбирался не только в поэзии. О его литературных способностях говорят и статьи, помещенные в литературно-художественных сборниках и краеведческих изданиях округа.

С появлением в нашей литературе жанра критики распался, казавшийся нам монолитным, блок коммунистов и беспартийных литераторов, но не по идейным мотивам. Со временем волнения утихли, но единодушного союза у нас уже не стало.

Я был беспартийным, но хорошо усвоил принципы пионерской и комсомольской школы воспитания, потому всегда поддерживал линию коммунистической партии, уважал ее идеи, которые и в самом деле были прогрессивными. Наши партработники постоянно обращались к писателям, когда их вопросы по текущей политике соприкасались с литературными. А секретарь окружкома партии Н. С. Бушуев заставлял нас заниматься и делами, не свойственными писателям. Так, в 1963-м или чуть позже, он возил меня в Егву для оформления «Боевых листовок» о колхозных делах. Листки критиковали и высмеивали лодырей, выпивох, нерадивых руководителей низшего звена.

Немало внимания нашему брату уделял секретарь окружкома партии по идеологической работе Д. И. Кудымов. Он не только следил за ходом нашей литературы, но и за нашим поведением в быту, осуждал наши срывы, но всегда относился к людям доброжелательно. Мы уважали его, верили ему, советовались с ним. Он и сегодня такой, все еще интересуется нашими делами.

Ничего худого не могу сказать и о других руководителях-партийцах города и округа, с которыми контактировали члены литобъединения и я. Конечно же, не все происходило гладко, без сучка и задоринки.

Однажды окружной газете было предложено подыскать кандидатуру в депутаты горсовета. Нужен был беспартийный, и редакция почему-то назвала мою фамилию, хотя таковые в ней тоже были. Выдвинули, сообщили, я стал возражать: зачем же деревенского мужика вгонять в городскую стихию? Я в ней еще не обтерся... Вроде отговорился, успокоился. А через день или два позвонили моему начальнику в Пермь, пожаловались. И вот приехал в Кудымкар парторг Пермской писательской организации И. Лепин. И, конечно, «ревела буря, гром гремел...» И ультиматум И. Лепина и его сторонников М. Вавилина и В. Боталова: «Если через два года снова откажешься от подобного предложения, то лишишься звания писателя и работы». И что примечательно, так ведь про тот ультиматум не забыли! А мне что-то уже не хотелось возвращаться в колхоз, и я два года был «слугой народа» для кудымкарцев. И все забыли про мой грех, даже И. Лепин (он в начале перестройки не выдержал тяготы пермского бытия и подался в монастырь. Вот ведь как порой шутит над нами та черная дама – судьба-злодейка!).

Забегая вперед, расскажу еще про один случай, связанный с бдительностью партийных органов.

Как-то писатели округа получили письма, в которых предлагалось им стать сектантами-иеговистами. В обратном адресе значилось: «Улица Мира». В. Боталов и И. Минин, оскорбленные таким предложением, обратились к парторгу с тем, чтобы он помог выявить провокаторов. Письма передали в отделение КГБ. Стали разбираться. Кому-то из наших коммунистов подумалось, что это дело связано с именем Т. Фадеева, который и проживает по улице Мира. И вот меня приглашают в отделение и просят принести какую-либо рукопись Т. Фадеева. Я сказал, что в

литобъединении его рукописей нет. А, говорят, может, какая-то записка или заявление имеется? Я показал им книгу протоколов общих собраний, в которой значилась и фадеевская запись. Эксперты убедились, что письма написаны не рукой подозреваемого...

Во второй половине 1960-х годов литобъединение постоянно занималось пропагандой коми-пермяцкой литературы. К тому времени в округе было уже пять членов Союза писателей: Н. Попов, С. Караваяев, М. Вавилин, В. Боталов и я (принят в члены в 1966 г.).

Мы выезжали в районы, там встречались с читателями в школах, клубах, на фермах, лесопунктах. Старики далеко не ездили, но С. Можаяев, если его попросят, не отказывался от поездок в глубинку. Он читал лекции о литературе и искусстве, рассказывал о театре и художественной самодеятельности, о творчестве художника П. И. Субботина-Пермяка, которому приходился бывшим зятем. Только в 1967 году, под знаком 50-летия Великого Октября мы встречались со слушателями не по одному разу в месяц. Возили нас и в фургонах, и на тракторах, и на подводах. М. Вавилин и наши старики, знавшие А. Зубова и М. Лихачева, рассказывали об их литературной, научной и общественной деятельности. Что читать, о чем говорить с людьми, – каждый из нас решал сам. В таких поездках иногда участвовали книготорговцы и даже директор Кудымкарской книжной фирмы К. И. Базарова со своими книгоношами.

Нашу литературу охотно пропагандировала продавщица Белоевского книжного магазина А. Канюкова, а библиотека этого села устраивала встречи с читателями за чайными столами. Были довольны все стороны мероприятия – и библиотека, и посетители, и мы.

В то время все члены СП, кроме М. Вавилина, имели только десятилетнее образование и, конечно, мечтали о высшем, строили выполнимые планы. Первым окончил Высшую партийную школу в Перми И. Минин, за ним – В. Боталов – Литературный институт имени А. М. Горького заочно. Я тоже заочно окончил первый курс Литинститута, но бросил учебу из-за болезни и лишь в 1971 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте. Двухлетнее пребывание в столице заметно пополнило мои профессиональные знания, обогатило жизненный опыт.

Наше литобъединение всегда имело крепкие связи с общественностью округа, с отделами культуры и образования, а также с пермскими писателями. Их сторонился лишь В. Боталов, имея хороший «берег» в Москве в лице писателя В. Муравьева. Пермские писатели часто приезжали к нам для совместной работы с начинающими во время семинаров, для выступлений перед читателями. Кроме того, мы дружили с писателями Коми АССР, приглашали их к себе, ездили сами к ним. У нас побывали С. Попов, Г. Юшков, В. Попов, А. Вансеев и многие другие. Из Москвы приезжали в округ поэты И. Молчанов, Н. Старшинов, прозаик Ю. Арбат, позже написавший книгу о нашей Парме «Сорок памятных зарубок». Эту книгу он прислал мне на добрую память (в ней есть несколько строк и про меня).

Гостям, конечно, мы старались устроить все удобства, размещали в лучших номерах гостиницы, приглашали к себе на чай, показывали достопримечательности родных мест. В моем подворье, например, побывали В. Радкевич, А. Крашенинников, Л. Давыдычев, А. Домнин, Л. Кузьмин, Н. Домовитов, Б. Ширшов, не однажды – В. Черненко, лучший друг И. Минина. А О. Селянкин, как и В. Астафьев, по гостям не ходил – придерживался сухого закона. Москвичи же и рыбу удили, и по